

Любовь Кукучка

АНГЛИЙСКИЕ
БОТИНОЧКИ

Женская
проза

Любовь Кукушка
Английские ботиночки

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Кукушка Л.

Английские ботиночки / Л. Кукушка — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

Здесь вы найдёте непридуманные захватывающие истории из жизни. Из той самой нашей жизни, в которой крепко и на все времена перемешано всё, из чего она и состоит: радости и печали, трагедии и комедии, верность и предательство, мистика и ужас, вера и неверие, любовь и надежда.

Содержание

Невеста	5
Колокола	8
Небо	11
Нина. История одной жизни	14
Главное слово	27
Новая спальня	30
Машин рецепт	35
Море любви	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Любовь Кукушка

Английские ботиночки

Невеста Рассказ

После лесотехнического техникума Алексея забрали в армию на срочную службу. Сначала повезли в Казахстан на уборку зерна. Пробыли там месяца три. Ребятам удалось кое-что заработать, и к тому моменту, когда призывников повезли дальше по нашей необъятной Родине, у каждого в кармане было сто, а у кого – и сто пятьдесят или двести рублей. Это были хорошие деньги для парней – по тем временам месячная зарплата. А один работающий хохол умудрился даже трудовой орден получить.

После окончания уборочной всех посадили в эшелон и поезд пошёл на восток. Куда везут – не говорили, так как не положено, но, судя по городам, какие проезжали, поезд шёл на Дальний Восток. Ехали долгодолго. Затомились. Офицер разрешал выходить на станциях. Отправляли гонца за бутылочкой винца. Главное, пронести незаметно от офицера. Иначе отнимал. «Не хватало пьяных дебошей мне тут с вами», – реквизировал бутылочку офицер и в тиши своего купе оприходовал её вечером.

По дороге на Дальний Восток то и дело кого-то «покупали», то есть забирали по поданной заранее заявке в военные части, располагавшиеся по ходу следования.

Наконец, отоспавшись и одурев от недели с лишним тряски в своих плацкартных вагонах, приехали во Владивосток. Рады были твёрдой земле под ногами и свежему, пропитанному океаном воздуху. Это было несказанное счастье после провонявших, тряских вагонов.

Их привезли в большой пересыльный пункт «Вторая речка». Поселили в бараках с деревянными нарами. Среди призывников были парни с разными специальностями. Ждали «покупателей». Забирали кого куда – в Уссурийск, в Ванино, во Владивосток.

Через неделю, после завтрака прозвучала команда: «Строиться! С вещами!». Выстроилась колонна в двести, а может, и в триста человек и пошагала на пароход до Сахалина. Вот и стало понятно, куда их так долго и мучительно везли.

*Прощай, моя Одесса,
Весёлый карантин,
Мы завтра уплываем
На остров Сахалин.*

Для Алексея начался кошмар. Всю дорогу до Сахалина он проблевал. Таких, как он, чувствительных к качке было совсем немного, и над ними солдатики потешались. Мужчинам же не положено показывать своё сочувствие, жалеть – это бабское занятие.

Вот он, Корсаков (ударение на «а»). Южный Сахалин был российским, в 1905 году отошёл к Японии, а в 1945 году мы вернули свои земли и этот форпост назвали фамилией русского генерала Корсакова. «Покупатели» уже ждали. Новобранцев выстроили, и начались «торги». Офицеры выкрикивали: «Радисты есть?.. Механики есть?.. Водители есть?.. У кого стаж три года?.. У кого стаж два года?.. У кого стаж полтора года?».

Началось великое переселение народов. Кого куда. Алексей попал в Новоалександровск – тут же, на юге Сахалина.

Службу себе Алексей устроил непыльную. Когда он увидел оружие их военной части, его поразила ободранность и обшарпанность прикладов. А так как он закончил лесотехнический техникум, то умел работать с деревом и предложил начальнику части привести всё оружие в исключительно блестящий вид.

– Только мне понадобятся кое-какие материалы, отдельное помещение и время. Это быстро не делается.

Майор обрадовался:

– Пиши список – что нужно для реставрации; комната у тебя будет, и от военной подготовки тебя освобожу.

И целый год Алексей не спеша занимался сначала оружием, потом мебелью части, потом мебелью дома у начальства. Всё засияло. Когда были проверки в части, проверяющие всегда отмечали великолепное состояние оружия. Майор млел от удовольствия, считая это своей личной заслугой.

В то время было модным знакомство с девушками по переписке. Так и у Алексея с товарищами оказалось несколько писем от девушек, которые хотели завести дружбу с солдатом. В конвертах лежали фотографии. Алексею понравилось одно письмо и девушка на фото. Она была симпатичная кудрявая шатенка с большими светлыми глазами. Умное, приветливое лицо. Он написал. Быстро получил ответ, и переписка началась. Так появилась Зоя. За два года службы они уже так через письма привыкли друг к другу, что уже явно вырисовывался бог новобрачных Гименей.

Служба на Сахалине запомнилась красной икрой и рыбой. Наелся на всю оставшуюся жизнь. В 76 км от Корсакова был японский остров Хоккайдо. Холодный, на котором солнце бывало считанные разы в год. Однажды старослужащий старшина Шевченко рассказал ему интересный случай. Как-то случилась авария на ТЭЦ – и весь Южный Сахалин погас. А в это время в воздухе был наш пограничный самолёт с дозором. И лётчик, когда приземлился, доложил начальству, что видел странное явление: когда погасли огни Южного Сахалина, одновременно погасли огни японского острова Хоккайдо. Решили провести эксперимент. Через несколько дней лётчик опять поднялся в небо, по его команде отключили рубильники – и всё повторилось. Погас Сахалин и Хоккайдо. По его команде включили рубильники – и загорелись огни Южного Сахалина и Хоккайдо. Всё стало ясно. Досада взяла – это ж сколько лет японские милитаристы питались за счёт нашей ТЭЦ. Стали искать и нашли под землёй уходящий на дно моря толстый кабель. Отрубили его, конечно. Халява у японцев кончилась.

Подошло время дембеля. Золотая пора у каждого солдата. Домой летел самолётом – как белый человек, никакой тебе качки. Зое в письме пообещал, что, как только демобилизуется, приедет к ней в Волгоград. Дома его встретили радостно, отец сказал, что невесту ему тут присмотрел хорошую. Но Алексей рассказал про Зою и попросил отца поехать с ним вместе, устроить что-то вроде официального сватовства. Отец не отказал. Да и ехать недалёко – одна ночь в поезде.

Дали Зое телеграмму, чтоб встречала. Поезд подошёл к перрону. Алексей, весёлый и взволнованный, смотрел в окно, искал её среди встречавших; отец стоял уже наготове, чтобы выходить. Вдруг Алексей заметался по купе, лицо его неожиданно стало красным, и на нём проступил ужас и смятение.

– Чего ты? – удивился отец.

– Вон она, в голубом платье, – показал Алексей рукой.

Отец посмотрел. Около вагона стояла миловидная невысокая девушка. Грудь её была вывернута вперёд колесом, а на спине торчал большой горб. Ноги росли, казалось, прямо от груди, а руки висели длинными плетями чуть не до пола. Отец растерялся.

– Это она? Ты не путаешь?

– Она.

– А ты не знал ничего, что ли? Она не рассказывала?

– Ну конечно, не знал. Я же её только на фото и видел. Одно лицо.

Уже весь народ вышел из вагона. Зоя в недоумении стояла и ждала.

– Ну, сын, раз приехали – надо выйти к ней. Пошли. Как-нибудь разберёмся. На деле разум явится.

Алексей не мог шелохнуться. Отец взял его за локоть и силой стал продвигать к выходу.

Вышли. Зоя радостно заулыбалась, хотела обнять и поцеловать Алексея, но он только протянул ей руку, отец тоже. Пожали руки, и Зоя сказала:

– Ну поехали ко мне, я и стол уже накрыла в честь долгожданной встречи.

Алексей, не глядя ни на кого, буркнул:

– Пойду куплю цветы. – И тут же быстро удалился в неизвестном направлении.

Отец, видя, как развиваются события, предложил Зое сесть на скамейку у вокзала и подождать его.

Зоя стала рассказывать о себе:

– Живу в отдельной квартире с младшей сестрой. Работаю я парикмахером. Меня уважают – клиентуры завались! Зарабатываю хорошо. – Она кокетливо поглядывала по сторонам и то и дело поправляла на себе красивое дорогое голубое платье. На шее у неё был такой же голубой газовый шарф, красиво оттеняющий её светлые глаза и золотистые волосы.

Отец смотрел на Зою, слушал и всё повторял:

– Так, значит... так, значит... – Время шло, Алексея всё не было. Отец понимал ситуацию, а вот Зоя, похоже, не очень. Она была молодая и очень самоуверенная.

Тут Зоя предложила:

– Давайте не будем ждать его и пойдём ко мне, он же адрес знает – найдёт.

Отец понял, что наступил решающий момент, собрался с силами и сказал:

– Вы, Зочка, не обижайтесь, но, я так вижу, знакомство не состоялось – видно, не судьба. Давайте я вас немножко провожу, да мы поедем с сыном восвосяи.

Зоя резко встала, на лице её было написано возмущение.

– Два года писала ему письма, надеялась, а он так подло поступил! Не надо меня провожать! – Разгневанная Зоя энергично пошагала прочь. Стало заметно, что она прихрамывает. Вскоре её трагический силуэт исчез за углом вокзала.

Отец тяжело вздохнул. Он сидел грустный и растерянный. Пот лился по лицу, как вода. Чуть дрожащей рукой достал платок, обтёрся и, глядя в пространство, сказал сам себе:

– Ну обманывать-то тоже не надо. Чего теперь обижаться. А я-то, старый дурак, вляпался в историю, в сваты решил записаться. Приехал туда, не знаю куда, – сватать того, не знаю кого. Ой, ну и дела!

Через некоторое время подошёл позорно дезертировавший с любовного фронта сын, виновато посмотрел на грустного отца и почему-то шёпотом сказал:

– Обратный поезд через три часа, надо успеть купить билеты.

Каждый хочет любить —

И солдат, и моряк.

Каждый хочет иметь

И невесту, и друга...

А Зоя дождалась всё-таки своего счастья. Вышла замуж. Муж её любил, относился к ней нежно и ласково. Только жизнь у неё оказалась недолгой. Жаль.

Колокола Рассказ

Семён Полуэктович Фирсов разговаривал во сне. Да, была у него такая особенность. Его бы в разведчики не взяли – себя с потрохами выдаст ночью и других всех заложит, резидентуру в смысле. В общем, подведёт Родину. Но и в семейном кругу эта особенность не совсем была уместна. Тут уже сам Семён Полуэктович мог погореть ясным пламенем. Ну не всё же жена должна знать про него, хотя больших секретов от жены у него не было. А так, по мелочи кое-что, да ещё имелись затаённые желаньца и мыслишки.

Какие-то обрывки его ночных размышлений долетали до полусонной жены, но всё было безопасно и неопределённо. Так что она по этому поводу не напрягалась. Женских имён муж во сне не упоминал – это главное. А остальное – его разборки.

Супруга его, Клеопатра Антоновна (по-домашнему Клёпа), была женщина заметная и фигурой, и ликом. Мужчинам нравилась, особенно военным. Причём чем выше чин – тем больше нравилась. Но за военного выйти была не судьба. Вышла за математика. Не хуже. Она, вообще-то, так и хотела – за умного, с диссертацией и перспективами.

Жених оказался без жилья. А у неё была бедноватая комната в коммуналке без ванной. Пошли с утра в ЗАГС – расписались, потом пошли в баню – помылись. И после всех этих процедур отправились в Клёпину комнату – строить своё семейное счастье.

Дорога до дома лежала мимо Елоховской церкви. Как раз в тот момент, когда они мимо неё проходили, раздался звон колоколов – весёлый, звонкий, переливистый. Клеопатра замерла: «Сёма, это знак свыше. Господь нас венчает. Значит, навсегда».

Счастье своё строили старательно и кропотливо, буквально по кирпичику возводили свой храм. А как построили лет этак за двадцать – стало Семёну Полуэктовичу скучно. Видать, весь мужской запал на строительство и ушёл. А мужик без запала – это уже хлам. Жизнь с Клеопатрой Антоновной ему стала казаться пресной, предсказуемой и занушенной. Причём винил он не своё стареющее тело, а, конечно же, супругу – приелась. Захотелось дяденьке солёненького, остренького и вообще свеженького и новенького, а если сказать одним словом – сладенького. Ну очень чтоб сладенько!

Стали преследовать научного работника фантазии, всякие разнообразные. И всё про сладенькое. Сначала это были отдельные, довольно скромные желания мужчины средних лет – о каком-то неопределённом, вроде бы туманно-платоническом общении с некоей молодой привлекательной особой, беседы, рукопожатия, многозначительные улыбки, взгляды. Взгляды – вот это самое главное. Через них вершатся судьбы. Как говорят у нас: взглянул – как рублём подарил, глянет – трава вянет. Взгляд он откровеннее слова и правдивее. Всё тебе скажет. И спросу меньше. Какой спрос со взгляда? «Надо будет глянуть со значением на какую-нибудь сочную молодуху», – подумал математик и прищелкнул от удовольствия языком.

Так всё фантазировал и рассуждал Семён Полуэктович. И не заметил, как эти его желания и размышления разрослись пышными сладострастными кущами, которые проросли сквозь его мешковатую, утратившую привлекательность фигуру. Сексуальные фантазии уже настолько завладели математическим умом Семёна Полуэктовича, что в сутках уже не хватало времени на другие размышления. С ними он ложился – с ними он вставал.

Китайцы говорят: «Бойтесь своих желаний – они могут сбыться».

И появилась Лариса. Самое то! Исполнение желаний! Первый день с ней прошёл почему-то так же, как и с Клеопатрой в своё время, – в бане. Но не в той, конечно, – убогой, с крашеными зелёными стенами, тусклыми гремящими алюминиевыми шайками и разделением на мужское и женское, – а уже в современной мраморно-липовой. С бассейном, прохладными

гладкими столами для массажа, деревянной белой сауной из оздоравливающей липы, махровыми огромными простынями и запахом эвкалипта.

Лара его сразу свела с ума. Своими длинными и упругими, торчащими, как вымя у козы, сиськами она бродила по вялому телу Фирсова, тыкаясь в него тёмными страстными горячими сосками. Сладострастно сосала ему ушко, отчего Полуэктович просто мяукал, как мартовский кот. Забиралась ему на спину, как дикая пантера, и, погоняя математика плёткой, скакала на нём вокруг розового мраморного стола. А уж массажи на этом самом столе! С диким восторгом математик ощущал себя интегралом, состоящим из бесконечного количества маленьких изнеможительных желаний. А Лару он представлял функцией, которая была неразрывно связана с неугомонной тьмой этих его желаний и неумоимо и ласково их исполняла.

Тут и шкаф пригодился. («Дальновидный же я», – восхитился собой математик.) Был у Фирсова старый, слегка выцветший и ободранный шкаф с его научной литературой. Прикасаться к нему он никому не разрешал. Мотивировал тем, что нарушится порядок и закладки важные из фолиантов выпадут. Книг там было много, и все про математику. Дорожил математик ими так сильно, что даже запирали шкаф и, убирая ключик, подозрительно и мелочно косился на домочадцев. «Не подходить, не прикасаться!». Особенно Семён Полуэктович дорожил старой потрёпанной толстой книгой под названием «Математический анализ». Приходя в свой кабинет, он бросал тёплый взгляд на умную библиотеку, особенно проверяя наличие – на третьей полке сверху, в левом углу – этой издававшей виды, но чрезвычайно важной для него книги. Вы, наверное, подумали, что с этой книги он начинал свою научную карьеру? Нет, всё гораздо проще. Между страницами этой книги он прятал записку от жены.

У него было много побочных доходов. То получит за новый учебник для тупарей-студентов, то за статью, то за лекцию на выезде, то за консультацию какому-нибудь соискателю степени. Всё это он аккуратно складывал в свою бездонную книжницу, предчувствуя будущую бурную жизнь и понимая, что для неё потребуются средства, и немалые. То бишь средства на строительство нового храма.

«Этот, пожалуй, мне подороже обойдётся, – размышлял соображающий в цифрах Фирсов. – Молодуха потребует вложений, никуда не денешься».

Так оно и оказалось. Недолго Ларочка занималась благотворительностью. Посыпались сначала мяукающие, а потом всё более уверенно мурчащие просьбы и пожелания. Накоплено у Семёна Полуэктовича было много, и пока что хватало. На всё. Ларочка была довольна и ласково скребла Полуэктовичу спинку своими коготочками. Главное, она пока не требовала развода. Этого математик боялся больше всего. Он согласен был на все расходы (хотя они по широте и величине своей его ошарашивали), но только не развод. Порой Фирсов недоумевал: «А как же Клёпа без всего этого живёт и любит его?..».

В понимании Семёна Полуэктовича развод – это было что-то вроде взрыва в большом тротиловом эквиваленте. Семью, а заодно и его самого, разорвёт на кровавые куски под названием позор, скандал, выяснения, суд, делёжка, слёзы, рыдания, презрение, обструкция и т. д. и т. п. Наверное, он это всё не вынесет. Как-то надо приспособиться жить на два фронта. У многих же это получается – он сам не раз слышал рассказы мужиков. Да и женщины грешат этим порой. И ничего, все живы. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы.

«А разве так может быть, чтоб и волки... и овцы...» – задумывался математик, который понимал, что он так, наверное, не сможет исхитриться. «Ну ладно, будем переживать неприятности по мере их поступления», – решил наконец Фирсов и успокоился.

А зря! Наевшаяся, напившаяся и нарядившаяся Лариса, теперь уже сидящая за рулём иномарки, потребовала развода. «Не хочу быть вольною царицей – хочу быть владычицей морской!» – Лариса капризно топнула ножкой, стеганула плёткой Семёна Полуэктовича, и он поскакал на свой страшный суд.

И как-то сразу сладенькое стало отдавать кисленьким и даже где-то тухленьким. Душа сжалась, скукожилась и приготовилась умереть. Другого решения этого уравнения математик не видел. Недавно ещё такой прыткий и пылкий, интеграл сник и превратился в непонятный крючок, а функция вдруг стала распухать, разрастаться и на глазах сникшего интеграла превратилась в огромную рыхлую агрессивную жабу, заполонившую всё окружающее пространство. Интегралу стало трудно дышать, сердце забилося, как заячий хвост, в глазах потемнело, а где-то вдали вдруг зазвонили колокола.

А через мгновение Семён Полуэктович проснулся и... проблемы отпали сами собой. На него смотрела взволнованная жена. В первую секунду огорчению не было предела. О Морфей, как ты жесток! От разочарования наш Казанова аж вспотел и охрип. А потом, по здравом размышлении, он даже обрадовался и пошёл заниматься математикой.

По дороге в свой кабинет он поймал на себе пристальный взгляд жены.

– Сёма, а кто такая Лариса?

«Погиб, – подумал математик, – проболтался во сне. Хотя чего мне бояться снов-то?».

– Да это кошка у нас на кафедре Лариска.

– А, ну тогда понятно, – с облегчением сказала повеселевшая жена. – Ясно теперь, почему ты полночи мяукал. А под утро мне показалось, что ты стал задыхаться, – и я тебя разбудила. Подумала: может, кошмары снятся.

– Да, это ты правильно сделала, что разбудила, – согласился муж. – Как раз колокола зазвонили.

– Какие колокола? – удивилась Клеопатра.

– Наши, венчальные.

– Сёма, ты помнишь? Дай я тебя поцелую, – жена протянула к нему руки, и на глазах у неё выступили слёзы.

Фирсов зашёл в кабинет, плотно закрыл за собой дверь и первым делом пролистал «Матанализ». Всё было на месте. Он удовлетворённо поставил книгу в шкаф. Сел за свой большой письменный стол и зажмурился. «Ну надо же, столько счастья и наслаждений – и ни копейки не потратил. И разводиться не надо. А Клёпа моя вообще-то ещё ничего, даже со сна красивая и меня любит. Надо будет её приодеть маленько, а то что-то я её совсем не балую», – ласково подумал Семён Полуэктович о жене и улыбнулся. Жизнь продолжалась.

* * *

А в мае Семён повёз Клёпу в Париж. На август пообещал Венецию. Венчальные колокола звонили громко и радостно. В душе разливалась благодать.

Небо Рассказ

Он был немец. Потомок тех самых немцев, которых Екатерина Вторая пригласила обживать Россию.

Она собственноручно подготовила «вызывной» манифест, приглашавший иностранцев из Европы переселяться в Россию, чтобы умножить народонаселение, осваивать пустующие земли, развивая сельское хозяйство и торговлю. Сулила кучу великую льгот, послаблений, освобождение от налогов и службы в армии. Верь в любого бога – не преследуется. А коли всё же в России не понравится – путь свободен. Уезжай! Никто не задержит. Скажем только: «Скатертью дорожка!».

Манифест свой велела отпечатать на всех языках и распространить по всем странам. Европа загудела, и народ поехал. Главный поток хлынул с Юго-Запада Германии. Как же не поверить – своя же кровная бывшая немецкая княжна урождённая София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская. Та самая, которая поехала в Россию в штопаных чулках, а теперь там на золоте ест. И нас, своих соотечественников, не забыла, приглашает и сулит заботу и защиту, если что.

Поехали и предки Артура – поселились в одной из немецких колоний Нижнего Поволжья. Немцы в России прижились и преуспели, как никакая другая нация Европы. И нет ничего удивительного – при их трудолюбии, добросовестности и экономности. Процветали и были в уважении при всех царях.

Советская власть (с дури поделившая Россию по национальному признаку) дала и немцам автономию – образовалась Советская Республика Немцев Поволжья. Дворы немецкие были крепкие, зажиточные. Дома двухэтажные. Низ – каменный, верх – деревянный. Хорошие тогда были для них времена.

А страшные времена настали, когда у России началась война с немецкими фашистами. Тут разом все немцы (по сути абсолютно обрусевшие) стали врагами. Разметали их по стране – кого куда, за сутки сняв с насиженного столетиями места. Кого – в Казахстан, кого – на Алтай, кого – в Сибирь.

Давно это было – приезд из Германии. Уже больше 250 лет прошло. Столько поколений сменилось, а всё сохранилось и передалось: и фамилия родовая Хенкель, и имя Артур, и внешняя стать – высокий голубоглазый блондин – тевтонец.

Их семья – отец Отто Генрихович, мать Хельга, старший брат Алекс, двенадцатилетний Артур и сестра Мария были сосланы в Сибирь – в Абакан. Не успели кое-как устроиться – отца забрали на лесозаготовки в Кировскую область. Не видели его до конца войны. Иногда присылал деньги и письма. Вернулся в 1945 году. Как-то сумели выжить среди холода и голода. Летом собирали ягоды, грибы, сажали картошку. Запасали на зиму то, что могли.

Когда Артуру исполнилось 17 лет, он решил ехать поступать учиться в лётное училище. С детства мечтал летать. Его отговаривали: не ездят, тебя не возьмут, ты же немец – это не скроешь, твою анкету не пропустят. Но хотелось только летать – и ничего больше. Поехал. В военное лётное училище не взяли, а вот в гражданскую авиацию приняли и ни слова не сказали про национальность. Главное – летать, неважно уже – гражданские или военные самолёты. Мечта сбывалась.

Отучился, получил специальность штурмана гражданской авиации и прожил интересную жизнь, не расставаясь со своей мужской профессией. Летал и в Арктике, и на Дальнем Востоке, и в пустынях. Много повидал, в разных передрыгах побывал. Родил двух сыновей, так что Хенкели продолжались, Екатерина была бы довольна.

Когда был ещё юным курсантом, случилась с ним такая история.

Был у них в учебной части лётчик один молодой – Виктор Соколов. Во время войны был сбит, попал в плен, но потом сумел бежать из плена. В авиацию после этого его уже не взяли – начались проверки, протоколы. Но разрешили всё же обучать молодых курсантов лётному делу. Учил он хорошо, курсанты его любили за толковость и честность, но всё рвался он в большую авиацию, а ходу ему не давали – проверяли да выясняли что да как. Особист Троекуров замучил его допросами да беседами. Как рабочий день кончается, так он его вызывает к себе – и начинает: «Объясни-ка мне, Соколов, как это тебя угораздило в плен-то попасть?.. А как же ты сумел выбраться оттуда живым?.. Что-то одно с другим не сходится...».

И так каждый день. Не один час, бывало, мучил его своими дознаниями. Виктор послал очередной рапорт начальству – с просьбой о переводе его в лётный полк, и в очередной раз ему было отказано, не без помощи того самого особиста.

В тот учебный день Артур сам был у штурвала. Виктору нравился этот курсант – сообразительный, аккуратный, чувствующий машину как себя. Они выполнили все задания и повернули назад. Посадку самостоятельно Артур ещё ни разу не выполнял, хотя был абсолютно готов к этому. И сегодня как раз Виктор ему это доверил.

Вдали горели огни аэродрома. На западе багровел необычно яркий закат, небо уже начинало темнеть. Артур уверенно вёл машину. Приземлился идеально. Душа пела. Он обернулся с улыбкой, но Виктора в кабине не увидел. Сначала растерялся, а потом холодок пополз по позвоночнику. В замешательстве Артур стоял около самолёта, оглядываясь по сторонам. Как будто надеясь увидеть инструктора. На фоне уже почерневшего неба всё ещё полыхал кровавый закат.

Затаскали на допросы.

– Ну рассказывай, немец, всё как было, – ухмылялся особист.

Расстроенный и усталый от всего произошедшего, Артур в который раз повторял:

– Я был за штурвалом. Инструктор меня спросил: «Ты аэродром видишь?». Я сказал: «Вижу». – «Сам посадить сможешь?» – «Смогу». Он меня похлопал по плечу: «Молодец, ну давай». Больше я ничего не слышал. А когда посадил самолёт – его не было уже в кабине.

– Да ну?

– Так и было, товарищ капитан. Всё как есть рассказываю.

– Не знаю, не знаю. Как-то всё у тебя, Хенкель, просто получается. Как тебе, немцу, верить? Будем разбираться – что вы там с ним против Родины и товарища Сталина замыслили, – дымил курсанту в лицо Троекуров. – Ну ладно, на сегодня свободен.

С тяжёлыми мыслями выходил от него Артур. Потом-то он вспомнит, как перед вылетом Виктор долго смотрел в небо. Прощался. А небо было огромное, чистое, голубое и ни в чём не виноватое.

Искали тело, двигались шеренгой, пересекая местность по курсу самолёта. Нашли. Лежал на спине – застывшие глаза его смотрели в небо, которое он так любил. В нагрудном кармане комбинезона – записка, чтобы курсанта ни в чём не винили. И тут же, внизу – привет любителю долгих разговоров капитану Троекурову.

Хоронили всей лётной частью, курсанты смотрели хмуро. Отдали прощальный воинский салют. Влюблённая в него юная повариха Катюша плакала долго и безутешно, как ребёнок. Видно, это было первое её большое горе. На могиле вместо креста установили пропеллер.

* * *

А через месяц особист пропал. Вроде в район вызвали. И как в воду канул.

Слухи разные ходили. Потом пришли на квартиру из милиции, собрали его вещи под опись и унесли. С тех пор его больше никто не видел. А на его место майора прислали. Неразговорчивого.

Нина. История одной жизни Повесть

Бог ей послал жизнь долгую – аж надоело жить. По крайней мере, она так говорила всем, когда ей перевалило за восемьдесят. А впереди ещё была жизнь, ещё годы и годы. Нужные – не нужные, напрасные – не напрасные? Оказалось, не напрасные. Неисповедимы пути Господни.

Родилась Нина в Калужской губернии в маленькой деревеньке Тёмкино, где жила её бабушка по отцу Аграфена Даниловна. Тихая, застенчивая Дуся (мать Нины) замуж вышла по большой любви за разудалого гармониста Александра Полубояринова, сына бабы Груши. Он действительно был каким-то полубоярином. Породистый, высокий, с длинными руками и ногами, да к тому же блондин с голубыми глазами. Нина вся в него и удалась.

Папаша был легкомысленным, любил ходить с гармошкой по деревне, посвистывать, глазами постреливать, девок заманивать. Это ему удавалось легче лёгкого. Все диву дались, когда узнали, на ком он жениться собрался. Ну никак не для него цвела скромная умница, которая за всю свою жизнь не сказала ни одного ругательного слова, не обидела ни одну живую душу. Дуся влюбилась сразу и бесповоротно.

Или он, или жизнь не нужна. Его испугала эта бездонность её чувства, эта её готовность стоять на краю пропасти и спокойно шагнуть, если что...

Свадьба была шумная, пьяная и какая-то тревожная. Время было такое – 1918 год.

Неразбериха в стране – белые, красные, петлюровцы, махновцы. Где ж тут разобраться рядовому гармонисту или неграмотной девчонке? Куда идти, с кем? Чью сторону брать? К кому присоединиться, под чьи флаги вставать и завоёвывать себе лучшую жизнь? Обещаний все много раздавали – только пошли с нами. Крестьянское чутьё или изворотливый ум, но гармонист сообразил, что соваться никуда не нужно (дальше от царей – голова целей), сумел прожить эти годы тихо и тем самым сохранил свою семью.

Год за годом Дуся рожала ему детей. Через несколько лет у него уже был сын Аркадий, средняя налюбимейшая дочь Анюта и младшая Нина.

Родилась она на старый Новый год – 14 января. Когда ей был месяц от роду, отец решил взять её в соседнее село – крестить. Запрягли они с родственником лошадь, наложили в сани соломы и в ту солому положили крошку Нину, завернутую в шерстяную шаль. Заранее довольный, папаша взял с собой гармошку. Оба были уже навеселе. Кто празднику рад – тот накануне пьян. Всю дорогу подгоняли лошадь и распевали под гармошку песни. Сани лихо неслись по ухабам. Белое безмолвие недоуменно расступалось, давая дорогу удалой компании, безрасудно несущейся вперёд.

Когда подъехали к церкви, к ним навстречу выбежали церковные служки – забрать ребёнка для обряда крещения. Весёлый папаша повернулся к саням, а ребёнка-то нет. Как безумный, он начал рыться в соломе.

– Чего теперя рыться? – сказал родственник. – Это те не мышшь – в соломе искать. Ясно, по дороге потеряли. Разворачивай сани, неча орать, обратно поехали, можа найдется дитё ещё.

– Потеряли! – в ужасе продолжал кричать отец, разворачивая лошадь назад. – Где ж теперя найти! Волки уже утащили!

– Да не каркай ты, дурень. Смотри по сторонам в сугробах.

Обратно отец нёсся сломя голову. Свояк то и дело кричал ему:

– Не гони, проглядим! – Он внимательно смотрел по сторонам дороги, ища в сугробах потерянное дитя. Отец всю дорогу стонал, охал, ахал, призывал Господа помочь им, проклинал себя за легкомыслие. Докричался-таки, зря свояк его осаживал, услышал его Господь и простёр

в ту минуту свою руку над его дочерью – этим маленьким беспомощным существом, навсегда защитив её от случайной злой гибели.

Через некоторое время очумелые ездоки заметили в сугробе у дороги темнеющий свёрток. Остановились. Дитя лежало тихо, без звука, уткнувшись лицом в снег.

– Молчать, замёрзло дитё, – прошептал хрипло отец.

– Да бери уже, чего зря брехать! – крикнул свояк, неуклюже слезая на снег.

Отец схватил ребёнка, ожидая худшего, но на него спокойно смотрели синие глаза его потерянной было дочери. Развернули кобылу обратно, поехали крестить. На солому дитё уже не клали. Всю дорогу отец крепко держал дочь на руках.

В церкви он суетился, всё крестился да кланялся, никого не замечая. Дошло до того, что батюшка попросил его уgomониться или выйти вон из храма. Отец успокоился, замер, а губы всё шевелились в какой-то немой молитве. А заметив в глубине церкви, в полумраке скорбный лик Христа, он вдруг улыбнулся ему радостно и нежно, как дорогому другу, которого давно не видел, и закивал ему головой.

Когда вернулись домой, жене не сказал ни слова о случившемся. Потом, через некоторое время, проболтался свояк, и тогда уже отцу досталось по полной.

В деревне началась коллективизация, всех звали вступать в колхоз. Кулаки были против, бедные крестьяне соглашались. Зажиточные крестьяне, создавшие своё хозяйство большим, упорным трудом и крепко его державшие, – за что и получившие своё прозвище «кулак», – конечно, не хотели всё это отдать в какую-то непонятную коммунию босякам. А голытьба деревенская – пьяницы и потомки пьяниц, с гармошками – были согласны притутиться к большому караваю.

В общем, разудалый Полубояринов согласился вступить в колхоз. За это их ночью подожгли. В колхоз захотелось? На тебе подарочек – красного петуха! Загорелись одновременно дом, сарай, хлев с их доходяжной, плохо кормленной коровой и курами. Отец с матерью стали вытаскивать из дома детей, добро, скотину. Нину, которой было несколько месяцев от роду, так в люльке и вытащили из дому и наскоро бросили рядом с домом в траву. Спасали остальных. А на малое дитя сыпались от горящего дома, как брызги, огненные искры. И как положили её к дому правым боком, так у неё и обожгло правую ручку и правую ножку.

Шрамы от ожогов остались на всю жизнь. Про малышку вспомнили, только когда рухнул горящий дом и брёвна полетели в сторону люльки. Мать с отчаянным криком бросилась к ребёнку и не могла поверить своим глазам: брёвна валялись рядом, но ни одно из них не задело Нину.

Это было уже второе её боевое крещение. Она тогда не могла ещё знать, что в её жизни этих боевых крещений будет много.

Всё сгорело. Растерянная, раздавленная трагическими обстоятельствами семья думала, куда подаваться. Жить негде. На пепелище зиму не встретишь. Семья растерянно смотрела на тлеющую грудку чёрных обгоревших брёвен, кучи вытащенного из дому барахла и уныло стоящую у берёзы коровёнку. Около неё топтались одуревшие от пожара куры. Куда подаваться? Решили ехать в Смоленскую губернию к Дусиной матери.

Тёща развесёлого зятя не любила, потому встретила его строго и вопрошающе. Всем своим видом давала понять, что прибавлению семейства не рада и надолго не примет. У Прасковьи Григорьевны было два дома. Один – маленький, старый, ещё от её родителей доставшийся ей в наследство. А рядом стоял новый дом – из хороших, крепких брёвен, высокий и светлый. Она жила в новом доме, а их поселила в старом. Погорельцы были рады и этому. Зятю она сказала:

– Ты здесь на печи не засиживайся. Езжай в Москву – там много рабочих сейчас требуется. Обустройся там, получай специальность – и потом заберёшь семью к себе. Я пока помогу их поднять.

Дуся огорчалась, что мать выживает её мужа из дому.

– Мама, как же мы без него?

– Пушай едет – делом займётся. А то до седых волос с гармошкой протаскается. Наплодил детей, а кормить тёща будет? Пока помогу, а потом он вас заберёт.

Собрали Александру деревянный чемоданчик с кое-каким барахлишком, оставшимся от тестя, и спроводили в Первопрестольную под громкие рыдания Дуси и строгие напутствия тёщи. Велели писать о себе подробно и часто и поскорее обустроиваться там.

Уехал Полубояринов – и пропал. Ни слуху ни духу. Дуся извелась ненужными размышлениями. Тёща усмехалась: «Чего от него ждать, босяком был – босяком и помрёт». Через три месяца пришло письмо. Александр писал, что устроился на завод рабочим, вечерами ходит на курсы бухгалтеров. Как закончит – обещали должность помощника бухгалтера. Живёт в общежитии. В комнате пятнадцать человек. «Быт тяжёлый, но я держусь. Как только получу должность, буду искать возможность забрать вас в Москву». Дуся обрадовалась. А мать поджала губы и ничего не сказала.

Прошло ещё три месяца. Александр уже работал на заводе бухгалтером. Кажется, у него всё ладилось, но писал, что с жильём ничего не получается: «Некуда мне вас забрать, а только о вас и думаю». Так прошло ещё некоторое время, и мать сказала Дусе: «Забирай старших детей, младшую Нину оставь мне и поезжай к нему в Москву. Что-то он там балагурит, обманывает тебя, думается мне».

Робкая, тихая Дуся нехотя стала собираться. Было ей неловко без предупреждения ехать туда, не знаю куда. Где же ей с детьми там жить, если Александр сам ютится в многонаселённой комнате? Но властная мать рассуждать не давала. Усадила всех на телегу, сама села за кучера и повезла бедолаг к поезду на Москву.

В Москве окончательно растерявшаяся Дуся долго искала общежитие, держа в руках помятый конверт с обратным адресом. Было грустно видеть эту картину – как по улицам Москвы шагала невысокая хрупкая женщина, неся на плече наперевес два больших узла, а в руке плетённый короб. За ней неуверенно и устало шли два ребёнка, крепко держась за руки и провожая проезжавшие мимо трамваи зачарованным взглядом.

Наконец пришли, и Дуся с удивлением узнала от живущих в том общежитии женщин, что Александр Васильевич живёт в хорошей отдельной комнате с фигуристой мадамой Раисой Петровной. Сейчас они на работе. Придут вечером.

– Ну мы тогда посидим, на улице подождём, – грустно сказала Дуся, еле сдерживая слёзы. – Вот так Саша, что же он так с нами поступает? Бессовестный какой.

– Что значит «на улице подождём»? – закричали в один голос женщины. – Ты жена или кто? Ты к мужу приехала, а не к дяде чужому!

Женщины взяли детей, узлы и повели Дусю на второй этаж в комнату мужа. Комендантша отперла дверь комнаты. Женщины дружно собрали по комнате все женские вещи, сложили их в чемодан и выставили за дверь.

Дуся с ужасом наблюдала за всеми этими действиями, одновременно потихоньку оглядывая комнату. Комната была небольшая, но светлая и уютная. Во всём чувствовалась женская рука: занавесочки, скатерть, ваза с крашеными пуховыми перьями. Около кровати гобелен с оленями и старинным замком. На стуле около кровати Сашин баян. Под столом пустая бутылка из-под водки. На этажерке куча тетрадей и учебников.

На подоконнике кастрюля с супом и какая-то покрытая полотенцем еда. «Хорошо устроился», – подумала с обидой Дуся.

– Это что, батькин дом? – с удивлением спросил семилетний Аркадий.

– Нет, это его общее житие, – ответила младшая Анюта, заменив *и* на *с*, а *ж* на *з*.

Вопреки опасениям Дуси, встреча прошла без криков и скандала. Удивлению Александра Васильевича не было предела. Он даже решил было возмутиться нахальными (в его понима-

нии) действиями жены, но, увидя свою любимую дочь Анюту, улыбающуюся ему во весь рот, и повисшего у него на руке весёлого Аркашку, непутёвый папа решил сменить гнев на милость. Раиса Петровна и вовсе не показалась, упреждённая на проходной комендантшей, которая и вручила ей её собственность – в виде потрёпанного чемодана с небрежно запиханными в него одежками. Незаконная полюбовница, грустно тряся крашеными кудряшками, пошагала в неизвестность. Ладонью она смахивала со щеки скупую слезу, искренне удивляясь бесконечному коварству мужчин и зловредности женского рода, плоть от плоти которого была сама.

Крыть Полубояринову было нечем. Его застучали с поличным. Права была маманя. От всей этой утомительной и нервной ситуации, от пережитой неуверенности и разочарования у Дуси откуда ни возьмись открылось второе дыхание. Она вдруг твёрдо и спокойно сказала: «Здравствуй, Саша, ну вот мы опять вместе. Калужанами были, смолянами побывали, а таперича будем москвичами. Иди к комендантше – попроси кровать с постелею для детишков». И началась их московская жизнь.

Александр Васильевич устроился бухгалтером на завод в районе Сетунь. Это в то время было Подмосковье. В общежитии с семьёй жить было трудно, да и комендантша всё время намекала, что общежитие не для семейных. Стал бухгалтер подыскивать место, чтоб построятся. В Кунцево у Можайского шоссе, где сегодня неподалёку Рябиновая улица, была так называемая Красная Горка. Вот на ней отец семейства и нашёл место для строительства.

Кое-как оформил бумаги, давая кругом взятки, и начал строиться. На участке этом стояла старая развалившаяся избушка, но с фундаментом.

И вот на этом фундаменте Александр Васильевич возвёл нечто похожее на домушку об одну комнату. Строительный материал выписывал с большим трудом на заводе. Установил печку, домушку утеплил – и к зиме семейство въехало со всем своим скарбом на новую квартиру. Прожить тут им предстояло целых тридцать лет, пока дом не снесли, а тем, кто к тому времени остался в живых, не дали квартиры.

Пока они тут жили, к отцу неоднократно приходили надсматривающие службы – штрафовать и увещевать. То пожарники, то с санэпидемстанции, то из жилищного комитета. Объясняли ему незаконность и неграмотность постройки этого его жилища. Угрожали выселением и сносом. Бухгалтер со всеми договаривался, всем давал взятки и продолжал строить и надстраивать свой Шанхай, таща откуда только можно всякий подсобный материал.

Дом их отнюдь не стоял застывшим памятником архитектуры тех бедняцких времён. Он жил своей жизнью в унисон с жизнью семейства.

Семейство подрастало – и дом подрастал, постепенно расширяясь со всех сторон новыми комнатами в виде тёплых пристроек.

Нина до школы так и жила у бабушки. Только когда ей исполнилось семь лет, её увезли в Москву. Поступила в школу. Успешно училась. Она в отца была – сообразительная, с цифрами ладила. Математика ей нравилась за то, что в ней не было ничего лишнего. Не то что русский язык – чёрт ногу сломит, изучая все эти причастия, деепричастия, суффиксы и междометия.

Когда Нина пошла в третий класс, её старшие брат и сестра уже заканчивали школу. Нина ещё в куклы не наигралась, а у старших уже начались амуры. Аркадий был красавец, спортсмен. Успех у девчонок был необыкновенный. Они писали ему записочки, а передавали через младшую сестру. Нина не терялась, за передачу депеш она с влюблённых девчонок брала деньги и всегда обеспечивала себя конфетами и мороженым.

А сестре Анюте не давали прохода друзья Аркадия. Она была хорошенькая и очень любила мужское внимание. От красоты своей и унаследованного легкомысленного папенькиного характера Анюта была искательницей приключений. Она была настоящей женщиной – модницей и кокеткой. Даже в те убогие времена неразвитого социализма ухитрялась выглядеть нарядной и шикарной. На этой почве у неё было много скандалов с родителями. То загуляется допоздна, то не по сезону слишком легко одевается, чтобы выглядеть модно. То школу про-

гуляет. Все сидят за партами, а она с каким-нибудь офицериком прогуливается по Красной площади или на теплоходе по Москве-реке. Отец её безумно любил, гордился и потому за неё всегда очень волновался. Может, от этого бывал порой излишне строг с нею.

Однажды на Новый год она нарядилась в лёгкое платье, изящные ботики, лёгкий шарфик, накинула пальтецо и отправилась в гости. Это морозной-то зимой. Ни мать, ни отец не сумели её остановить.

Произошёл скандал, и она сказала: «Уеду от вас, надоели со своими придирками». И действительно, не вернулась. Оказалось, уехала на все зимние каникулы к бабушке на Смоленщину.

Через несколько дней приходит от бабушки телеграмма: «Анюта сильно болеет воспалением лёгких, немедленно выезжайте». Повисло тяжёлое предчувствие непоправимого. Когда добрались – её уже отправляли в Москву. Она была всю дорогу в бреду. В Москве с вокзала Анюту сразу повезли в больницу. Помочь московские врачи не смогли. Через два дня она умерла, оставив всю семью в растерянности и давящем чувстве вины.

Хоронили неподалёку – на Кунцевском кладбище. Народу было как на демонстрации. Пришла вся школа, вся улица, коллеги отца с завода. Нина несла венок и недопонимала непоправимость случившегося, не плакала, а всё смотрела по сторонам и удивлялась количеству народа, пришедшего посреди зимы попрощаться с ихней Анютой. Стояли морозные яркие денёчки, снег весело хрустел под ногами идущих, природе не было дела до людских горестей – у неё было своё расписание. Когда гроб опустили в могилу, отец бросился к ней туда. Его вытащили и крепко держали два здоровых мужика. Они незаметно дали знак могильщикам быстрее закапывать могилу.

На дворе стоял студёный январь, а Александр Васильевич каждый день после работы – на кладбище. Среди глубокого снега проторена дорожка к дорогой могиле, в кармане – чекушка. У семьи встала проблема. Боялись, что он там замёрзнет или над собой что-нибудь сотворит. Отрядили Аркадия каждый день после работы отца встречать у проходной завода и вести домой. Устала вся семья. А в какой-то день, видно, отпустило – сказал сыну: «Не приходи за мной, я справился, не волнуйся».

Нина между тем росла и расцветала. Высокая, длинноногая блондинка, с тонкой костью и весёлым нравом, она жаждала всех земных радостей и наслаждений. Лёгкая, изящная, она была всем своим юным существом открыта миру, ждала от него взаимности и понимания. И мир её принимал и понимал, и так бы всё и было в её жизни, но случилась война. Та тяжёлая, неожиданно долгая и кровопролитная война с немецкими фашистами.

Изменилось всё. У всех. И у Нины тоже. Жизнь её свернула совсем в другое русло. И с того дня Нине стало казаться, что она проживает не свою жизнь, что всё происходит не с ней, а с другой такой же молодой девушкой. А её жизнь застряла где-то на пути к ней и когда-нибудь непременно её найдёт. Так оно и случилось, только уже после войны.

Отец ушёл в ополчение. Брат Аркадий, к тому времени работавший на оборонном заводе, занимался эвакуацией на Урал оборудования завода. Загрузит эшелон – и уезжает с ним на восток. Приезжает оттуда весь простуженный, завшивленный, грязный. Придёт домой – мама кричит ему: «Не входи в комнату! Иди в сарай – я тебя вымою сначала». Вымоется, отоспится – и опять на завод – следующий эшелон загружать. Как перевёз на Урал завод – так там и остался работать до конца войны.

В Москве стало голодно. Один раз пришёл на побывку из ополчения отец. Привёл еле живую лошадь. Зарезали её и делили на всю улицу. Всем по куску досталось. Нина в эти годы училась в педагогическом техникуме.

Приходили плохие вести от бабушки со Смоленщины. Гитлеровцы в июле 1941 года захватили Смоленск и всю прилегающую к нему территорию. Народ оказался под тяжким игмом оккупантов, которое продлилось двадцать шесть месяцев. Пришли фашисты и в деревню

Нининой бабушки. Немецкий офицер сразу заметил большой добротный дом Прасковьи Григорьевны и со своими помощниками сразу заселился в него. Старуху выселили в её старую избушку и приказали ей готовить им еду и обстирывать господ офицеров. Так и пришлось гордой и хозяйственной старухе нести такое и морально, и физически тяжкое бремя.

Фашистам на Смоленщине было беспокойно. Партизаны не давали им чувствовать себя хозяевами. Когда Красная армия начала гнать фашистов со своей земли, те особенно озверели. Жестокости творились страшные. Уходя, они старались уничтожить всё. Всех жителей деревни, в которой жила Прасковья Григорьевна, согнали на окраину, заперли в овине (это был такой сарай, где перед войной сушили снопы перед молотью) и подожгли его. Погибли в этой душегубке все, в том числе и бабушка Нины. А потом фашисты подожгли все дома. От красивой русской деревни осталось одно пепелище с торчащими тут и там из обугленных брёвен печными трубами. Известный пейзаж войны.

Трагическая смерть бабушки потрясла всю семью. Эта трагедия стала решающим моментом для Нины. Не закончив техникум, приписав себе год, она записалась на курсы радиосток, чтобы потом уйти на войну. Их отправили в Белоруссию – в Кричев. Там был лагерь в лесу. Жили в землянках. Постели представляли собой ящики, наполненные еловыми ветками. Каково после маминой перины-то? Укрывались собственной шинелью. Было холодно и голодно. На войне как на войне. Кроме землянок, там был учебный корпус и столовая. Ложку носили с собой в сапоге. Тоненькая нога Нины бултыхалась в нём, и болели натёртые мозоли. Утром выдавали норму хлеба на весь день, но с голодухи девчата съедали её сразу, стараясь всё-таки один кусочек припрятать в сапог.

Девчонок учили работать на ключе. Нина была в лучших, у неё получалось очень хорошо. Может быть, потому, что у неё было врождённое чувство ритма и она очень любила танцевать. Через четыре месяца приехали офицеры с фронта – отобрать десять лучших радиосток. Среди лучших, конечно же, оказалась Нина. Среди офицеров оказался он.

В войну Нина вступила в марте 1943 года сержантом связи 44-й тяжелой пушечной арт. бригады Второго Белорусского фронта. Она недопонимала, идя на войну, что вступает во взрослую, жестокую и циничную жизнь. Семнадцатилетняя девчонка пошла поиграть в войнушку. А оказалась на настоящей войне – среди смерти, крови, грязи, мужчин. Всяких.

Наверное, каждый встречает в своей жизни чёрного человека, который незаметно может завладеть твоей душой и телом. Но не каждый сможет не поддаться ему. В жизни Нины им оказался интересный, высокий майор Григорий Балагур. Поначалу она не поняла нависшей над нею беды. Отбивалась от внимания майора шутками. Но постепенно её стала давить эта разрастающаяся страсть майора, привыкшего подчинять окружающих своей воле. Вскоре он уже открыто стал ей говорить: «Никуда не денешься. Будешь моей. Я свободный. Жена у меня в тюрьме сидит за растрату. Я с ней давно развёлся. Не сомневайся, я женюсь на тебе. Всё будет как положено».

Нина была в ужасе. Майор ей был невыносимо противен со своими слюнявыми поцелуями и сладострастными взглядами. Он ей казался старым деревенским волокитой, хотя ему было всего 32 года и родом он был из города. Никаких «замуж» ей задаром было не нужно, тем более за такого постылого.

– Отстаньте от меня, товарищ майор. Я ребятам пожалуюсь на ваше поведение, – наивно заявила Нина, на что Балагур расхохотался и сказал:

– Дурочка молодая. Тут некому жаловаться – мамы, папы нет.

Нина отчаянно сопротивлялась. В один день она решила идти в штаб армии с рапортом обо всей этой ситуации. Не прошла она и трёхсот метров, как её нагоняет на коне майор и наставляет на неё пистолет. На всю жизнь запомнила, как чёрное дуло пистолета смотрело ей в лицо, а майор командовал:

– А ну, поворачивай назад! Я не шучу. Застрелю – и никто не узнает, где могилка твоя.

Давясь слезами и чувствуя свою полную беспомощность, она побрела обратно. Видя всю эту ситуацию, её утешила взрослая медсестра:

– Смирись, – сказала она. – Тут всё равно не один, так другой полезет к тебе. А этот – видный, майор. И никто уже не посмеет тебя тронуть. Старайся только не забеременеть. – И медсестра дала ей несколько советов опытной женщины – как предохраниться.

Нина тяжело вздохнула и сказала:

– Наверное, я бы не решилась пойти на войну, если бы не гибель бабушки. Я тогда, узнав, что бабушку заживо сожгли, задохнулась от горя и ненависти. Она ведь несколько лет была мне вместо мамы. Я её очень любила.

Так Нина дошла до Берлина. Без ранений, контузий и травм. И вправду её Бог охранял. Чуть не впервые выпила свои фронтовые сто грамм за Победу. Ведь она всегда причитающийся ей спирт меняла на сахар, хлеб. Пить в армии так и не научилась. Участвовала в Белорусской, Восточно-Прусской и Берлинской наступательных операциях. Расписалась на Рейхстаге. Еле нашла место, где расписаться. Всё уже было в автографах.

Всех переполняла огромная радость от осознания конца войны, но Нину уже тошнило, и юбка на талии не сходилась. Это для неё была большая беда, навсегда придавшая горький привкус той великой радости.

Вернулась она в мае домой на свою Красную Горку – с Победой и животом. Майор уже стал подполковником. Провожая её в Москву, он обещал приехать за ней, как только его отпустят из Германии. Нине он был так же противен, как и раньше. С омерзением она вспоминала, как ей никогда не хотелось с ним спать и как он практически всегда её насиловал – против всякого её желания и даже без согласия. Наверное, женщина такое простить не может. Ни за какие «златые горы и реки, полные вина».

Дома были, конечно, недовольны таким поворотом событий. Но куда деваться – дело житейское. Родители решили в связи с надвигающимися обстоятельствами купить козу, чтоб в доме было молоко. Отец приволок откуда-то огромную плетёную корзину – и мама сделала в ней постельку для ожидавшегося младенца. Мама всё рылась в старом барахле – искала изношенные простыни и полотенца. Они мягкие от старости и потому очень хороши для тельца младенца – надо же наделать пелёнок. Жизнь продолжалась.

Папаша после войны устроился бухгалтером в райпотребсоюз. И часто квартальные и годовые отчёты он делал дома. К нему приходили молодые, весёлые бухгалтерши, пронося в газетке замаскированную бутылочку. Они запирались в комнате и делали отчёт. Время от времени оттуда доносился развесёлый смех. Маму это всегда раздражало.

Один раз беременная Нина оказалась свидетельницей такой картины. Из комнаты вышел покрасневшийся весёлый папаша в белой рубашке и сказал жене:

– Дуся, организуй-ка нам чайку, чтой-то мы изустали от этих цифирей. Поставь нам самоварчик.

Тут же, во дворе, стоял самовар с трубой, а около него – ведро с остывшими чёрными углями. Мама взяла это ведро и одела папаше на голову со словами:

– Вот вам самоварчик, Александр Васильевич! А вот вам дебет с кредитом и с цифирьями в придачу!

Папаша замер, весь обсыпанный углем и золой. Нина испугалась и в то же время чуть не расхохоталась – отец был похож на чёрта, только без рогов. Но папаша скандала устраивать не стал – было стыдно перед девками-бухгалтершами. Он отряхнулся, перевёл всё в шутку и удалился. Да и Нины он побоялся. Она бы мать в обиду не дала. Дочь после фронта стала взрослой. В голубых её глазах застыли льдинки. Как потом с сожалением говорила Нина Александровна: «На войне я слишком рано повзрослела».

Живот становился всё заметнее, сроки приближались. В Москве началась сухая, тёплая осень. Нина развешивала во дворе свежевывстиранное бельё. Вдруг поясицу прострелило, как

пулей прошло, и всю её опоясала тупая, тянущая боль. Нина сначала с испуга присела, а потом нарастающая боль и страх погнали её в дом. Согнувшись, придерживая снизу живот, она забежала в комнату к матери. Та всё сразу поняла: «Началось! Пошли скорее в роддом!». Благо он был недалеко. Мать схватила приготовленный заранее узелок с вещами, и они пошли.

Всю дорогу Нина от боли то и дело сгибалась пополам и старалась присесть на какой-нибудь камень. Мать не позволяла, кричала ей: «Не садись! Нельзя! А то ты мне тут на дороге в канаве родишь! Что я буду тогда делать?». В общем, еле успели добежать. Роды были лёгкие и стремительные. Родился очаровательный толстый карапуз.

«Смотри, какой у тебя шикарный сын», – улыбалась акушерка, показывая ребёнка. Нина безразлично посмотрела и подумала с досадой: «Ах, да зачем же мне всё это?». Так и пошло. Ненависть к Григорию перешла в нелюбовь к сыну. Зато дед сильно полюбил внука. Несколько лет Генка в прямом смысле слова не слезал с дедовых плеч. Куда бы дед ни шёл – на плечах неизменно возвышался внук.

У Нины началась грудница. Температура под сорок. Грудь в нарывах, боль несусветная – рукой не двинуть. Уже врач решил резать грудь, и тут пришло облегчение – нарывы прорвало, температура спала. И жизнь наладилась. Только вот Нина уже не могла кормить грудью. Выручала коза. Разбавляли её жирное молоко и кормили малыша. Тут и приехал за Ниной подполковник. С огромным немецким чемоданом подарков.

Отцу жених понравился. Серьёзный, грамотный, перспективный. Гимнастёрка орденами и медалями звенит. Они очень быстро нашли общий язык. Чарочка со стола не сходила. Беседы лились рекой.

Военная тема для мужчин ведь неисчерпаема. Подполковник доложил, что из Германии его не отпустили. Назначили комендантом города, и ему предстояло пробыть там ещё несколько лет. Он приехал зарегистрировать с Ниной отношения и забрать её с сыном в Германию. Отец расположился к нему всей душой и не сомневался, что Нинку они уломают.

– И распишем, и проводим, – заверял пьяненький Полубояринов.

Не тут-то было. Нина сторонилась Григория как чумы. Она запиралась в комнате и не отвечала на стук в дверь. Когда он попытался её обнять и поговорить, она ему сказала:

– Это там я была беспомощна и беззащитна, и ты этим пользовался, а здесь ты меня не достанешь. Уезжай и забудь дорогу сюда!

– А как же сын? Ты лишаешь ребёнка отца, ты его обездолишь этим. Сейчас ведь сплошная безотцовщина. Будет целое поколение шпаны.

Что с сыном будет?

Тут подполковник был абсолютно прав. Своим жёстким, бескомпромиссным решением она сильно обделила сына. Это отразилось на его судьбе самым печальным образом. Он всю жизнь чувствовал себя бастардом. Что его не любят, но терпят.

Отец пытался Нину взять на испуг:

– Я не собираюсь тебя с ребёнком содержать. С кем нагуляла – с тем и живи. Нечего на родителей свои проблемы навешивать. Чего тебе ещё надо? С Григорием ты будешь обеспечена выше головы и при таком муже. Другие завидуют, а тебе любовь подавай? Какая любовь, когда уже ребёнок родился? Собирайся – и в путь!

– Не переживай, я за ваш счёт жить не собираюсь, уйду и ребёнка заберу с собой. А в Германии уже побывала – хватит!

Тут уже испугался папаша. Такое было в его жизни, когда любимая дочь ушла, обидевшись на его слова, и, как оказалось, навсегда. Мама не хотела Нину отпускать и была на стороне дочери. Она свою дочь понимала: в девятнадцать лет обречь себя на жизнь без любви, без радостного трепетания сердца и волнения страсти. Да что может быть бездарнее и напраснее в той единственной – посланной тебе Богом или удачным стечением обстоятельств – жизни? И детей-то, рождённых от любви, по-другому любишь – не из жалости, а из радости.

Нина ожесточённо боролась. Она старалась содрать, сбросить с себя эту не ей предназначенную жизнь и скорее начать, хоть и с небольшим запозданием, свою. Как змея сбрасывает отслужившую кожу. Не по лоскутку, а всю разом, как чулок. Как ящерица отбрасывает свой хвост – больно, ничего, новый нарастёт. Вот уже пятый год (с самого начала войны) у неё не пропадало это ощущение нереальности бытия. Когда же? Когда?

Подполковник уехал ни с чем.

– Нин, а Нин! – ехидничала из-за забора соседка Вера Петровна. – А полковник-то твой где? Что-то второй день не видать.

– Уехал в Германию.

– Так война-то кончилась, – не унималась соседка.

– Для кого кончилась, для кого нет, – отвечала с нарастающим раздражением Нина.

– А тебя чего ж не взял с собой?

– А я не мешок, чтоб меня брать. Не захотела – и не поехала. Навоевалась уже.

– Да что навоевалась – все уж заметили, – хихикнула злобная баба.

– Тётъ Вер, у вас дом горит, вон, смотрите, дым валит из форточки, пока вы трепетесь тут, – показала Нина рукой.

Та с перепугу так резко обернулась на свой дом, что с размаху встала ногой в корыто с навозом, стоявшее у забора. Когда она поняла, что Нина её обманула, – она крикнула вслед уходящей девушке:

– Ну и злая ты, Нинка, стала после войны. От Гитлера, что ли, заразилась?

Григорий поначалу писал и слал деньги на сына. Надеялся на примирение. Нина не отвечала. Письма стали приходиться всё реже и реже. И так постепенно прошлое растворилось в хлынувшем наконец потоке новой жизни. Долгожданная настоящая жизнь всё-таки нашла её, эдакую Анну Каренину.

После грудницы малыша кормили козьим молоком, и мама сказала Нине:

– Не сиди дома, раз ты уже не кормишь грудью. Я справлюсь с внуком, иди на работу, устраивай свою новую жизнь.

И Нина с радостью согласилась. Для начала пошла на ближайший завод. Спросила в кадрах, какие специальности требуются. Кадровичка на неё внимательно посмотрела, задала несколько вопросов об образовании, узнала, что Нина – участница войны, и сказала:

– У директора секретарша через две недели в декрет уходит – пойдёшь секретаршей? – Нина сразу же согласилась.

Пока у неё были свободные дни, она ходила в свой педагогический техникум, который она бросила, чтобы уйти на фронт. Её приветливо там встретили и без лишних формальностей (ведь с фронта) восстановили на вечернее отделение.

Весть о том, что у директора появилась новая, молоденькая и симпатичная секретарша, быстро облетела завод. Все кому не лень по разным придуманным предлогам заглядывали в правление завода. Некоторые особи мужского пола даже срочно влюбились. Но Нина вела себя строго, и её раздражало это обилие посетителей. Она догадывалась о причине этого столпотворения и ждала, когда любопытство уляжется и паломничество прекратится.

С утра на приём к директору пришёл секретарь комсомольской организации завода. У директора он пробыл около часа, а когда вышел, сел напротив Нины в приёмной. Сидел и молчал. У Нины руки начали трястись мелкой дрожью. Никак не могла вставить лист в печатную машинку. Этого высокого самоуверенного блондина она заприметила сразу и уже потихоньку навела о нём кое-какие справки. Фронтовик, весь израненный – два года лежал в госпиталях после тяжелейшего ранения под Сталинградом. Старше её на три года.

– Нина, если вы меня не знаете – я секретарь нашей комсомольской организации, Юрий Туманов. Хочу спросить: почему вы не проявляете активности по части комсомольской

работы? Ни разу не видел вас на комсомольских собраниях, вы не приняли участия в комсомольском субботнике. Почему?

Нина сначала слушала с напряжением, а потом ей вдруг стало очень смешно, как он напускает на себя важность, и она, улыбаясь, ответила:

– Ну я не знала, что у нас такой обаятельный вожак. Я теперь ни разу не пропущу собрания, буду активной комсомолкой. – Они обменялись смеющимися взглядами... Они ещё не поняли тогда, что в эту минуту закрутился роман их жизни.

Юрий был из семьи художников. Отец – художник, дед – художник. Мать – искусствовед. Маленькая брюнетка с большой грудью. Любимая фраза матери, о ком бы она ни рассказывала: «Вы знаете, у неё не прозвучало! Вы понимаете, у него так и не прозвучало! Как жаль, как жаль!». Нина впоследствии настолько часто слышала от неё эту фразу, что поневоле стала думать, что у свекрови, видно, у самой тоже не прозвучало. Но уж про них с Юрием она такого сказать не могла – была уверена Нина. У них звучало – целый симфонический оркестр! Просто Первый концерт Чайковского.

Квартира их располагалась на Сретенском бульваре в старинном огромном доме бывшего акционерного общества «Россия». Это название сохранилось ещё с дореволюционных времён. Нину поразило обилие антиквариата и картин, которыми были увешаны стены этой большой квартиры. А картинные рамы поразили Нину едва ли не больше, чем сами картины. Также на стенах висело много фотографий в рамочках. На них были художники отец и сын Тумановы с известными людьми прошлого и нынешнего веков. В квартире царил полумрак. Нина подумала: «Темно, чтоб картины не выгорели от солнца».

Она робела в их квартире. Её пугали непонятные ей слова, которыми постоянно обменивались в этом доме: импрессия, валёр, коллаж, сангина, темпера. Нина знала, что такое ангина, а вот сангина – это уже было выше понимания. Но подсознательно все эти термины она уважала. Это был другой мир, мало ей знакомый и практически закрытый для неё. Когда Нина вопросительно смотрела на какую-нибудь картину, свекровь, растягивая слова и грассируя, капризно тянула: «Ну это же Малевич, это, по-моему, так понятно». И Нина сразу же начинала чувствовать себя душой необразованной, так как ей это было совсем непонятно и не нравилось. Хотя она всегда сильно тянулась к культуре и не была серостью. В общем, жить они стали в Кунцево на Красной Горке. Нине там было проще и сподручней – без абрисов, полутеней и ракурсов.

Зимой жили в доме, а летом переселялись в сарай к козе. Соорудили себе там тёплую, удобную кровать и жили там привольно под недоумёнными взглядами козы из-за отделявшей её от них перегородки. Любовь была сильная, взаимная, горячая. Спали всю ночь крепко обнявшись. Генка подрастал рядом. Его опекали дед с бабкой.

Директор завода как-то прознал, что они живут в сарае, с козой за перегородкой, и дал им комнату в коммунальной квартире с удобствами. Это было счастье. Своя комната, да ещё и недалеко от родительского дома. Вскоре Юрий ушёл на работу в райком комсомола, а оттуда получил направление в Высшую партийную школу в Ленинград. Нина часто к нему туда ездила, и он оттуда – в Москву. Сильно скучали друг по другу. Воздух становился густым и жарким от их взаимного тяготения, от их страсти. Красивая была пара. С ними все любили находиться рядом – они завораживали окружающих своей харизмой и жизнелюбием.

После окончания Высшей партийной школы Юру забрали в Комитет государственной безопасности. Жизнь начала стабилизироваться. Они почувствовали, что теперь можно и ребёночка родить. В год смерти Сталина у них родился сын. По семейной традиции Тумановых сыновей называли только Юриями и Валентинами. Прадед был Юрий, дед Валентин, внук Юрий, ну и правнук, соответственно, должен быть Валентином. Так и назвали. Детки росли. Гена рос, Валя рос. Правда, Гена рос в доме деда, а Валя – с ними. Такие разные-разные были.

Дома было счастье. Долго было. Везде вместе, спали в крепкую обнимочку, лучшие наряды вёз ей отовсюду. А ей так всё шло – мужики заглядывались. Ему это и нравилось, и не нравилось. Бывало, поссорятся из-за чего-нибудь – и Нина уходит спать в другую комнату. Он этого не терпел. Подойдёт, завернёт её молча в одеяло и унесёт на супружеское ложе.

А вот когда Юре завалило за сорок пять, счастье стало пошатываться, даже можно сказать – зашаталось. Первой ласточкой было прихорашивание. Ремни он не носил на брюках – раны не давали стягивать себя в поясе. Он носил помочи. Стал помочи и галстуки менять как перчатки. Одеколон французский купил и всё чистил, чистил пёрышки и всё куда-то спешил, спешил.

– Куда это ты наряжаешься, намываешься? – Нина настороженно смотрела на мужа.

– С товарищем надо встретиться, по работе это, скоро вернусь, чего ты уже там придумываешь? – говорил Юрий, внимательно осматривая себя в зеркале. Нина наблюдала за ним и понимала, откуда эта суета. А бес начал Юру в ребро бить. Да сильно. Что даже сердце иногда прихватывало. Вот как крутил его!

Периодически он ездил с театрами сопровождающим на зарубежные гастроли. Теперь, наверное, таких сопровождающих от КГБ нет, а раньше – обязательно. Следить, чтоб хорошо себя вели, честь страны не роняли, ну и, конечно, чтоб за рубеж не удрали, в этот загнивающий... Чтоб сколь душ уехало – столь и домой вернулось.

Часто Нина, когда встречала мужа в аэропорту, гадала, глядя на артисточек, – которая его? «Вот с этой нежно попрощался – наверное, она. Нет, вот с этой так вкусно поцеловался – наверное, эта. Или эта – длинноногая блондинка? Как её обнял, аж приподнял!». Она уставала от этих своих гаданий: «А, будь что будет. Всё равно обманет».

– Нинусь, а какую я тебе шубу привёз! Ты одна во всей Москве в такой будешь! А духи французские – твои любимые, нашёл еле-еле, – обнимал её улыбающийся Юрий. И Нина забывала свои грустные размышления и успокаивалась, на время.

А сердце-то у Юры прихватывало опять. Сердце лечил – и опять спешил куда-то. Бес-то на него уже крепко взгромоздился. Погонял его – давай, давай быстрее, ещё успеешь на праздник жизни! Ведь весь израненный – поберёг бы себя. Нет. В ребро, в ребро, так его! Что сердце, когда душа поёт, когда бес в ухо шепчет – наслаждайся, жизнь коротка. А жизнь действительно оказалась коротка.

Один раз так прихватило, что у молоденькой любовницы своей и умер. А было ему всего-то пятьдесят три года. Когда Юру хоронили (с почётным караулом, с залпами), любовница не постеснялась – пришла и уж очень сильно плакала. Так сильно, что все зашептались. А букет принесла! Охапку белых роз... Как жениху. «Видать, заслужил», – думала Нина, обиженно глядя на не виноватые перед ней цветы. Белые розы – цветы надежды. А какая уж теперь надежда?

Так вот и простилась Нина с лучшей порой своей жизни. Остались воспоминания. Всякие. Уж их-то никто не отнимет. Замуж решила больше не выходить, а ведь была ещё не старая и мужчинам очень нравилась. «Такого, как Юра, уже никогда не встретишь, – думала она.

– Он был соколом, высоко летал. А воробей мне зачем?». В этом она вся – бескомпромиссная, требовательная и к себе, и к окружающим.

Нина осталась с Валей. Гена уже жил отдельно со своей семьёй. Был невысокий, круглолицый – ни ростом, ни красотой не вышел, но добрый, весёлый, деловой. За что ни возьмётся – всё получается. Всем готов помочь. Его любили окружающие. Валя вырос в бесподобного красавца, холодного и самовлюблённого нарцисса. А уж какой был сноб... Откуда что взялось! Хотя...

Его обожали женщины. Он пытался, как дед и прадед, стать художником. Но не хватило ни таланта, ни трудолюбия, ни желания. Художник – это всё же не ремесло, а дар божий. А дар унаследовать почти невозможно – это особое, редкое стечение божественной природы вещей, выпадающее отдельным людям. Валентину не выпало такой удачи. В итоге он подвизался в

театрах на каких-то оформительских работах. То в одном театре, то в другом, то в третьем. Работа эта, конечно же, не давала ни удовлетворения, ни заработка. С людьми ладить не умел и в конце концов совсем остался без работы. Как художник не состоялся, на другом поприще себя не нашёл. Душа закисла. Поддерживали на плаву девицы, окружавшие его плотным, вязким кольцом и своим преклонением возвышавшие его в собственных глазах. Дружки тоже были под стать – такие же бездельники. Постепенно конфликт между желаемым и действительностью стал настолько невыносим, что жить ему стало совсем в тягость. И время-то выпало трудное – началась никому до сих пор не понятная перестройка. А чего тогда перестраивали-то? Любого спроси – никто не ответит.

Один раз, на Пасху, Нина возвращалась из гостей, а на сердце что-то беспокойно было. Подходит к дому, а там пожар – горит Валина комната. Валя пьяный задохнулся в дыму. Ему было сорок два года. Совсем не обгорел – лежал, вытщенный пожарниками на лестничную площадку, красивый, как заснувший бог. О несчастье узнал Гена – примчался утешить мать. А она, рыдая, вдруг:

– Лучше бы ты умер. Мне бы легче было.

Потом опомнилась:

– Прости, Геночка, что же это я сказала!

Гена погладил ей руку:

– Мама, я не обижаюсь. Я знаю, как ты Валю любила.

Ах, Гена, Гена! Благородная и гордая твоя душа, запрятавшая глубоко от безразличных и любопытных глаз свою всегдашнюю боль. А обидно было. Столько раз в жизни было обидно. Но он не вывешивал обиды, как застиранное бельё, перед всеми на обозрение. Нёс свой крест.

Наверное, ему выпало расплатиться за отца.

Бойтесь своих желаний, тем более неосторожных слов – они сбываются!

Прошло четыре месяца после пожара – и сбылось. Тихо так. Ехали в машине с дачи. Жена за рулём, а Гена рядом, на переднем сиденье. И вдруг его голова повалилась на плечо жены. Сначала подумала – заснул. Остановились. Она его тормозила, старалась привести в сознание. После вскрытия стала понятна эта скоропостижность. Тромб.

Так Нина потеряла к семидесяти годам одного за другим всех своих мужчин. Дом опустел, душа осиротела уже окончательно. Теперь, очевидно, пришло время для размышлений. Она смотрела на все эти картины, висящие на стенах: портреты, пейзажи, натюрморты. Кому теперь всё это надо? Прервалась связь времён. Некому передать. Всё пойдёт прахом после её смерти.

Годы в старости быстро летят. Не успела она оглянуться, а ей уже скоро восемьдесят восемь. Она часто думала – для чего Господь ей послал такую длинную жизнь? «Ведь всех похоронила: сестру, мать, отца, брата, мужа, обоих сынов. Ну никого же не осталось. Для чего я здесь? Наверное, чтобы успела покаяться. Много нагрешила в этой жизни, ой, много. Многих обидела. Неужели я бездушная, бессердечная?» – думала она. Нерадостные думы Нины Александровны прервал звонок в дверь. Пока она дошла, звонок прозвенел ещё дважды. Не спрашивая, кто там, она распахнула дверь. Перед ней стоял высокий белокурый красавец лет восемнадцати, с мотоциклетным шлемом в руке.

– Валя? – Нина прижала свои руки крест-накрест к груди, её качнуло в сторону.

– Нет, бабуль, я Юра. Валин сын. Твой внук.

Парень улыбался такой знакомой, родной улыбкой. Нина Александровна обомлела.

– Как же, ничего не понимаю. Ты откуда? Я ничего не знала о тебе!

– Мать приходила к тебе, когда Валентин погиб, хотела с тобой поговорить, она беременная была, но ты прогнала её. Да ещё и б****ю назвала. А она гордая – решила порвать навсегда. А тут недавно мне сказала, что ты жива до сих пор. Говорит – сходи к ней, она твоя бабушка. Ну вот я и пришёл... Вернее, заехал – внизу мотоцикл.

– Да, да, гоняла я девок, да и парней тоже. Мне всё казалось, что они его от дела отвлекают, в гульбу затягивают. А девки часто мне про беременность говорили, я им не больно верила, да и не сочувствовала. Гоняла и ругала, и этот грех тоже мой. А что девки? Не в них проблема была. Сейчас-то я понимаю. Что же она не пришла потом, попозже, когда все страсти утихли?!

– Да она гордая, как и Валя. Обижаться – так на всю жизнь! Вот фотографию передала. Нина взяла фото – на берегу моря стоят полуголые, в обнимочку её красивый любимый сын и какая-то молоденькая смеющаяся девчонка.

– Это она, мама твоя? Симпатичная. Совсем юная. Да, вот как бывает в жизни. На отца ты сильно похож и на деда своего Юрия. Рисовать любишь?

– Нет, я скорость люблю.

– Вон оно как, – протянула Нина Александровна. Кто же у нас скорость-то любил? Папаша, может, мой – Полубояринов? Да неважно это. Главное, что есть теперь, есть кому... – не договорила Нина Александровна свою мысль.

«Теперь понятно, для чего я так зажилась на этом свете, – сказала сама себе, грустно улыбаясь, Нина Александровна. – Чтобы всё передать: от отца – сыну, от деда – внуку. Чтоб не прервалась связь времён».

А в последний день Масленицы – в Прощёное воскресенье Нина Александровна позволила своей несостоявшейся невестке, попросила у неё прощения и пригласила в гости.

Главное слово Рассказ

К дому подъехала крытая грузовая машина, и молодые шустрые грузчики стали ловко разгружать. Это был диван. Большой, тяжёлый, запакованный в прочный матовый целлофан. Ребята вытащили его из кузова и потащили по лестнице на третий этаж старого московского пятиэтажного дома. Лифт в нём был крошечный (на двоих), так что поднимать диван пришлось вручную.

Довольная и радостная хозяйка ждала грузчиков у дверей квартиры.

– Ребята, тащите за мной.

Она быстро пошла вперёд по длинному и сумрачному коридору старой московской коммунальной квартиры в самый его конец. Отворила две высокие створки старинной белой фигурной деревянной двери с медными начищенными ручками и указала в правый дальний угол:

– Там ставьте!

Угол был, очевидно, заблаговременно освобождён от какой-то другой мебели и вопрошающе пустовал. Ребята быстро и ловко водрузили туда диван, распаковали его по просьбе хозяйки и по её же просьбе сразу его разложили во всю его могучую ширину.

– Хорош диван! – весело заулыбались они.

– А то! Жить надо с удобствами и с удовольствием, – захохотала хозяйка. Она была не жадная – хорошо заплатила грузчикам и, закрыв за ними дверь, поспешила к своей покупке.

Диван действительно был хорош! Широкий, упругий, но в то же время достаточно мягкий, с красивой терракотово-рыже-золотистой обивкой.

Он шикарно и уютно вписался в угол их большой светлой комнаты. Эффектно дополняли картину три роскошных больших подушки, прилагавшихся к дивану.

Валентина готовилась к своей покупке. Заранее купила комплект постельного белья самого большого размера, из красивого и качественного сатина с серо-бирюзовыми разводами и серебристым блеском. Застелила постель и сидела – любовалась своим приобретением.

Вечером пришёл с работы муж, осмотрел диван, крякнул, с усмешкой глядя на его величину, красоту и величие, – и пошёл мыть руки к ужину.

После ужина, когда муж, полусонный, сидел в кресле перед телевизором, Валентина, подойдя сзади, положила свои руки ему на грудь, прижалась головой к его уху и замурлыкала:

– Коль, а Коль, надо будет сегодня обновить, а?

– Обязательно, – согласился муж, не отрывая глаз от телевизора. Соседки, уже зная Валентину, на другой день весело спрашивали:

– Ну что, обновили диван-то?

– А как же иначе, для чего покупался! – хохотала Валентина.

Да. Валентина была жизнелюбива. И это слово было главным словом в её жизни. Она не употребляла вульгарных, пошлых или избитых фраз на эту животрепещущую тему. Она говорила ласково и игриво – обновить. Ещё тогда, двадцать лет назад, утром после первой брачной ночи она сказала ему:

– Ну вот ты меня и обновил.

– Чего? – не понял Николай.

– Чего ж тут непонятного – ты же у меня первый мужчина.

– А-а-а, вон ты о чём, – улыбнулся Николай.

Оба они были из деревни. Приехали в Москву на строительство по лимиту. Жили в общении несколько лет, а потом им дали комнату в коммуналке, да в самом центре Москвы. В

доме этом коммуналка (как ни странно) не было. В этой квартире жил высокопоставленный чиновник.

И вдруг он уезжает в другую роскошную квартиру, а эту сдаёт государству – по законам того времени. И государство ничтоже сумняшея решило сделать из квартиры этого чиновника коммуналку. В неё-то и попали Валентина с Николаем. Да ещё две женщины. И квартира стала не намного отличаться от общежития, но всё же была перспектива отдельного проживания (со временем, конечно). Ведь теперь была постоянная московская прописка. А это в те времена было заветной целью многих советских граждан.

На всю жизнь запомнила Валентина тот восторг, который обурывал её, когда они пришли со смотровым ордером знакомиться с жилплощадью. Теперь ванная своя, туалет. Не надо в очереди стоять на помывку или постирку. «Неужели это наше?» – задохнулась от распиравших её чувств Валентина, и тут же на каком-то брошенном пыльном матрасе они с мужем, по настоятельному требованию Валентины, обновили получение этой своей вожделенной комнаты.

Жили они в согласии. Валентина была лёгкая, услужливая, жизнерадостная. Начали строить дачу. (Что же мы хуже других? Чай москвичи же мы теперь. А у всех москвичей дачи есть.) Соседей вокруг за заборами было четверо. Ближе всех Валентина сошлась с Зинаидой и стала её посвящать в свои обряды.

– Теплицу вчера Николай доделал, всё закрепил, установил. Хороша получилась! Ночью обновили, чтоб хорошо плодоносила.

Соседка не сразу уловила смысл, а потом, уже вечером, когда до неё вдруг дошло, на кухне за ужином, – она чуть не подавилась от неожиданно напавшего на неё смеха. Она представила себе Валентину с Николаем за их занятием в теплице.

Как-то летом Валентина ей сообщила:

– В теплице душно, растения вянут, не завязываются, так Коля мне две такие шикарные форточки сделал – теперь совсем другое дело. Пошёл свежий воздух, ветерок, всё пощёло.

– Обновили? – ехидно спросила соседка.

– Ты представляешь, Зин, сорвалось!

– Что так? Подсмотрел кто-нибудь?

– Да нет, – ответила Валентина, – хуже.

Заинтригованная соседка уставилась на Валентину, а та продолжила:

– Захожу я тут в тепличку – полить помидорчики, смотрю, а вокруг кустиков разлеглась в три кольца гадюка – и балдеет на солнышке да на тёплой земельке. Вот на такую ночью-то и сядешь! Так вот и накрылось наше мероприятие.

Но ничего, впереди было много ещё обновлений: новая баня, шикарный длинный стол во дворе – для обедов и ужинов в хорошую погоду, новый дровяник, большой красивый кирпичный мангал с крышей; удобная, роскошная деревянная скамейка с высокой спинкой – всё сделанное умелыми, неленивыми руками Николая. И так далее. Счёту обновлениям не было. Жизнь была ключом!

В сентябре, когда дачный сезон закрылся, они решили съездить к родственникам на Ангару. Столько лет собирались тайгу посмотреть. Сходили там на местный базар, купили две ладные, крепкие корзины, чтоб сходить по грибы – белых в ту осень было завалилось. Валентина смеялась, показывая корзины родне:

– Надо сходить в тайгу – обновить их!

Народу пошло за грибами несколько человек. Сибиряки напутствовали гостей, чтоб от коллектива не отрывались.

– Смотрите не заблудитесь, далеко не забирайтесь. Выходить из леса надо, чтоб солнце в лицо светило. Это будет правильное направление.

– Да не заблудимся, корни-то у нас деревенские, знаем, что к чему, – отвечали гости, а Валентина про себя смеялась: «Ну не на народе же тайгу обновлять».

Ушли – и пропали. Несколько раз ходили их искать, кричали, метки на деревья привязывали, чтоб по ним они нашли дорогу. На грузовой машине объезжали все окрестности, где можно было проехать. Искали в отчаянии несколько недель. Всё было без результата. Долго надеялись, что они где-то вышли у другого таёжного посёлка.

* * *

А весной на них наткнулся егерь. Высохший скелет мужчины сидел под деревом, прислонившись спиной к стволу, а женщина лежала рядом. Около них валялись помятые, растоптанные корзинки. Судя по поломанным рёбрам и снятым скальпам, они столкнулись с медведем.

Опознали их по одежде. Из кармана клетчатого пиджака Николая проросли кедровые орехи.

– Видно, заблудились они, бродили по тайге, питались орехами, а потом, на свою беду, с хозяином встретились, – сказал егерь.

– Вот и обновили корзинки, – сокрушались родственники.

Новая спальня Рассказ

Она была счастлива, дождалась – в ЗАГС. Ничего, что живот уже заметен. Главное, что распишутся – и она войдёт в круг московской интеллигентной семьи полноценным её членом (это она так думала). Ничего, что с таким скандалом? Ничего – привыкнут, куда денутся – внук на подходе.

Маша была сирота, воспитывала её бабушка. Жили они на окраине Москвы в рабочем районе – в затхлой коммунальной квартире в двухэтажном убогом строении с облупленной внутри и снаружи штукатуркой. Вся их пятнадцатиметровая комната была заставлена мебелью всех стилей и времён. Видно, собирали всё, что шло в руки: кто-то отдаст, где-то подберут.

Выделялся среди этого мебельного хлама один предмет – красивый резной буфет. Его отдали им родственники умершей старенькой соседки, когда разбирали после похорон её комнату. Родственникам было не под силу да и некуда переть этого красно-коричневого исполнина-красавца. Буфет перетащили к себе при помощи трёх пьяниц, приведённых из ближайшей кандейки. Он стал предметом их с бабушкой особой гордости. Этим двум голодранкам стало казаться, что теперь их комната выглядит солидно и достойно и несёт в себе дух поколений и традиций. «И не от родни ли нашей он достался? Да-да, это же от дяди Семёна, который держал артель краснодеревщиков в Москве и жил на Пречистенке», – умильно фантазировали бабка с внучкой и с каждым годом всё сильнее в это верили.

Маша росла без родителей, под влиянием и по жизненным установкам своей бабки. Единственно, что та смогла привить внучке, – это то, что девушка должна себя блюсти и как можно быстрее выйти замуж за приличного, обеспеченного человека.

После школы учиться Маша никуда не пошла, а устроилась работать лаборанткой в Московский авиационный институт. Она была тихая, вежливая, бесконфликтная – и так и прижилась на этом месте. Через некоторое время к ним в лабораторию зачастил один студент-выпускник пятого курса. Сотрудники сразу сообразили, в чём дело, и смеялись:

– Маш, твой двухметровый опять пришёл.

– Да почему мой? – краснела Мария, а сама уже давно смекнула, в чём дело.

Кавалер был неказистый. Без слёз не взглянешь – так сказали бы сейчас. Длинный, худой, длиннорукий, длинноногий, с маленькой круглой головой – там, где-то наверху над плечами, и с кругленькими очками ботаника на подслеповатых мелких глазках. Волосёнки пего-рыжего цвета бедно и потно прилипли к голове, и по всей его долговязой фигуре были рассыпаны, как из решета, конопушки и родинки. Сомнительное украшение для молодого парня. Машка-то против него была прехорошенькая. Но ей он показался импозантным. Самое импозантное в нём было, конечно, для неё то, что через полгода он уже будет дипломированным специалистом, да к тому же один любимый сынок в семье, состоящей из богатеньких папы и мамы.

Первый раз Инна увидела Машу в то лето, когда закончила институт и решила пару недель пожить на даче. Дом Инны был через дорогу, напротив дома Медведевых, и с балкона их участок просматривался как на ладони. Инна сидела в шезлонге, загорала, когда подъехала машина и Медведевы начали выгружаться. Из машины выбралась какая-то маленькая, неуклюжая девушка и как-то крадучись, видно стесняясь, пошла к дому. Потом-то стало ясно – у неё уже был большой живот и от своего маленького роста она казалась квадратной. От смущения она всё время наклоняла голову вниз. Девушка была молоденькая и симпатичная – неудивительно, что молодой парень влюбился.

Влюбиться-то, конечно, влюбился, но оказывается, что от любви девушки быстро беременеют (ну надо же, какая неожиданность), и отступить студенту было уже некуда – позади

стояла строгая бабка с угрозами за совращение несовершеннолетних. Обстоятельства поджидали, и нужно было идти к родителям и представлять им будущую невестку. Что молодой, перспективный авиатор и сделал, заранее представляя реакцию родителей.

Оказалась Маша, конечно же, не ко двору. Семья была с научными степенями, изобретениями, с амбициями и материальным достатком. А сын привёл голодранку, необразованную да и не стремящуюся ни к какому образованию. И к тому же (о ужас!) беременную. С таким несовременным старомещанским подходом к замужеству – спрятаться от жизни и её проблем за хорошего, обеспеченного мужа. Её немудрёные планы не устраивали семейство. Надо работать в четыре руки и грести по возможности лопатой. Лопата очень приветствовалась. А как же без диплома, без хорошей специальности найти доходное место? Да никак.

Так дальше и пошло. Трое пашут, гребут, а одна на их шее, получается, сидит: никакого дохода – один расход. Правда, внучка им родила точно в их породу – угодила. Но опять же, родила – и теперь, получается, двое на их шее сидят. Непорядок!

Как-то Маша оказалась одна на даче. Ходила рассеянно по участку, ела ягоды, рассматривала цветы, выращиванием которых очень увлекалась свекровь. А ей самой это было совершенно неинтересно. Вдруг Маша увидела Инну – та полола грядку с клубникой. Мария подошла к забору и стала зазывать её к себе. Инна удивилась приглашению. (Знала, в какой строгости невестку держат, ни с кем не разрешают общаться, а то вдруг выдаст какую семейную дрязгу – и пойдёт плохая слава. А ведь известно – хорошая слава лежит, а дурная бежит. Ославит на всё товарищество!) Ей идти не хотелось, это семейство было ей не симпатично, и она попыталась вежливо отказаться. Но Маша упорно настаивала, будто что-то хотела показать, удивить. И Инна пошла – не из любопытства, а просто из вежливости и отчасти оттого, что почувствовала, что Мария не отвяжется.

Походили по саду, Мария показывала цветы (ну и что, чего не видали?). Инна чувствовала, что это только прелюдия. Вдруг Мария сказала:

– Пошли, я тебе дом покажу, ты же не была ни разу в нём?

– Не была (да не больно надо, чего там, в этих советских убогих дачах можно увидеть?).

Инна нехотя, из вежливости пошла в дом. Дом у них был без кухни.

Кухня стояла отдельно, на улице, чтоб чистоту блюсти. Ну как можно в наших холодных широтах отделять кухню от дома? А дождь, а ночью чайку попить захочется? Видать, им не хочется – фигуру соблюдают и экономия опять же. Вошли в дом через маленькое, шаткое крылечко. Весь первый этаж был жилой: гостиная, спальня родителей, коврики, циновочки, вазочки – где положено, книг – стопочка.

Всё до противного чисто, чинно, аккуратно. Инна молча смотрела, поддакивала Марии, как экскурсоводу мемориального музея.

– Пошли на второй этаж, я тебе нашу спальню покажу.

– Вот оно, – догадалась Инна. – Вот чего она хотела – спальней хвалиться, сиречь своей счастливой жизнью. Понятно теперь.

Лестница вверх была просто ужасна. Это была не капитальная деревянная лестница, как положено в приличном доме, а кусок деревянной стремянки, качающейся и вибрирующей от каждого прикосновения. Стояла эта короткая стремянка в углу гостиной, на каком-то непостижимом уму деревянном пьедестале, на который ещё тоже надо было взобраться. «А как же ночью они тут лазают? Тут днём-то ноги сломаешь. Какой чёрт меня сюда понёс?» – злилась Инна на себя, на свою неспособность сказать «нет», чтоб не обидеть человека. А что себе этим досаждаешь – разве это правильно в отношении себя?

Взобравшись по качающейся стремянке, они попали на застеклённый тёплый солнечный балкон и, только пройдя через него, оказались в спальне. И Мария расцвела, у неё даже голос изменился – она заворковала.

Глазам Инны представилось удушающее зрелище – спальня в стиле шестидесятых годов. Две тяжёлые деревянные старомодные кровати, покрытые китайским, таким же старинным, шёлковым бордовым покрывалом с вышитыми павлинами; два громоздких деревянных торшера с деревянными тумбами; ковры – и на стене, и на полу; пейзажи и натюрморты на стенах, обклеенных обоями. Такая устаревшая мещанская роскошь с претензией на вкус и стиль.

Мария заглядывала в лицо Инне, ожидая, очевидно, увидеть восхищение, интерес, ну хоть зависть, наконец. Наверное, она не увидела ничего, по крайней мере ничего плохого, – Инна постаралась скрыть своё тяжёлое впечатление. Она даже, наоборот, похвалила любовное гнездышко, сказала (наступив на горло собственной песне), как уютно и красиво. Мария после этих слов удовлетворённо заулыбалась и кивнула. Она утвердилась ещё раз в своём превосходстве над соседкой: «Ну училась ты, училась на своё высшее, а я вот без всяких дипломов, а с каким мужем, с какими кроватями. И дом-то наш большой и красивый, не то что ваш убогий скворечник из старых досок. А сама-то до сих пор не замужем».

Инна смотрела, внутренне сморщившись, на эту комнату, а в голове была только одна мысль: «А как слезать-то по этой лестнице, это же всегда труднее, чем подниматься. И ухватиться-то руками не за что, когда спускаешься или поднимаешься. Это же какими надо быть тупарями по жизни, чтоб такое соорудить». Она вообще была умная и наблюдательная и считала, что по устройству, виду и качеству лестницы в доме можно почти безошибочно судить о хозяевах. Ну, судя по этому насесту, по которому ей предстояло ещё спуститься на первый этаж, здесь обитали куры.

Прошло несколько лет. Инна вышла замуж, родился шустрый-прешустрый сын. Лето она с ним проводила на даче. По выходным приезжал муж. Сынок был хороший, весёлый, но была у Инны с ним проблема. Ему было уже около двух лет, но он категорически отказывался садиться на горшок. То ли его кто напугал в своё время горшком, то ли ему другое что не нравилось, но сын неизменно всё «золото» клал в штаны, вернее в колготки. Это было мучительным для всех обстоятельством. На даче Инне было с этой проблемой проще. Подходил сын с отяжелевшими колготками, Инна их снимала, «золото» клала под цветы и яблони (как розы поперли после этого!), а колготки тут же под краном на улице застирывала – и на солнышке всё великолепно сохло и даже дезинфицировалось ультрафиолетом. Но это было слабое утешение. От этой проблемы Инна безумно устала, она уже выкрутила себе мозги, пытаясь решить эту неподдающуюся задачу. Но мы недооцениваем своих детей, они гораздо умнее, чем мы думаем, – это она поняла после одного случая с сыном.

Инна возилась на грядке. Пропалывала чеснок, который успел зарости так, что его уже было не видеть. Она осторожно разгребала разнovidную сочную траву в поисках ростка чеснока и давалась диву, что находила его в этих зарослях, и начинала освобождать из плена. В это самое время к ней подошёл сын с увесисто наполненными колготками. Инна обречённо встала и стала их с него снимать. Вымыла ему задницу, освободила колготки и стала их застирывать, а сама печально, сосредоточенно беседовала с каким-то неведомым сыну собеседником: «Ну как же так, как же так, ведь это же мой сын, мой сын. Тогда почему же он такой дурак». Слово «дурак» у неё получилось с тройным громким Р. Видно, в него она вложила всю свою безнадегу, печаль и досаду. Больше она не сказала ничего. Затем она сняла с верёвки ароматные, сухие, чистые, проветренные и прожжённые ветром и солнцем колготки, одела на сына и сказала: «Иди гуляй, со двора не уходи». А сама продолжила полоть грядку.

На следующий день произошло чудо. Потому что другого слова этому подобрать было невозможно. Чудо! (В словаре Даля чудо – это «всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы». В словаре Ожегова чудо – это «нечто поразительное, удивляющее своей необычностью».) Случилось действительно поразительное.

Инна поливала огород, когда увидела идущего к ней сына. Шёл он как-то торжественно и сосредоточенно. Колготки не отвисали. В вытянутой руке он нёс горшок. Инна удивлённо

смотрела, не понимая пока ситуации. Когда сын подошёл вплотную, поражённая мать увидела, что в горшке хорошо наложено, а сын, очень серьёзно глядя матери в глаза, произнёс твёрдо, чётко и сурово, эдак по-мужски: «Я твой сын». С этого дня он больше ни разу не наложил в штаны. Потрясённая Инна долго размышляла на эту тему и поняла только одно – маленькие дети гораздо умнее, наблюдательнее и чувствительнее, чем мы о них думаем. Оказывается, они способны услышать наши эмоции, наше отчаяние. И очевидно, надо ещё уметь подобрать правильное слово. Не кучу слов, а одно-два, но главных. Ну, может, навряд ли тех, что она тогда произнесла в пространство.

Так вот и шли деньки их летней жизни. На соседних дачах тоже жил народ – пенсионеры или такие же, как Инна, мамы с маленькими детьми. У Медведевых было тихо. Родители уехали на курорт в Карловы Вары, а молодёжь приезжала только по выходным.

Инна стала замечать, что пару раз среди недели молодой сосед стал приезжать по вечерам на дачу с какой-то особой. Проскальзывали они в дом быстро, как можно незаметнее, и оттуда уже не выходили, а потом как-то незаметно уезжали – то ли ночью, то ли под утро. А по выходным он приезжал с Машей и ребёнком. Маша была вроде весёлая, как обычно. Пока не было свёкра со свекровью, она всё старалась пообщаться с Инной, опять же похвалиться чем-нибудь. Ну, к примеру, муж защитил кандидатскую диссертацию и они собираются покупать новую машину. Инна молча кивала и смотрела на неё, поджав губы. «Завидует мне, вон как нахохлилась, – думала Мария. – У неё-то муж – трёхкопеечный инженер».

А на следующее лето Маша неожиданно побледнела, похудела, стала реже появляться. Прошёл слух, что она серьёзно заболела, перенесла сложную операцию. Как-то они встретились с Инной на дороге. Инна ходила за привозным молоком. (Не совсем за молоком.) Она очень нравилась молодому шофёру этого молоковоза, и он всегда ей подмигивал – не спеши, жди до конца. А потом, когда все покупатели уже отоварились и в цистерне оставалось на дне, он сдавал задними колёсами назад под наклон в канаву, и молочница сливала Инне остатки – целый бидон одних чистых сливок. Потом какими-то непостижимыми путями эта история дошла до мужа Инны, и он запретил ей ходить за молоком под предлогом, что опасно пить нестерилизованное, и сам стал из Москвы возить пакеты с молоком.

Так вот, когда Инна шла с бидоном сливок домой, она повстречалась с Машей. Та улыбалась и сказала, что ждёт мужа, он сейчас приедет с машиной вагонки.

– Вы что-то строить собрались? – спросила удивлённая Инна.

– Да, он говорит, что хочет меня удивить, – будет переделывать спальню. Обои надоели, сейчас в моде отделка вагонкой. Хочет за это лето обить всю спальню. Для меня всё старается, обновляет гнёздышко, – засмеялась Мария.

«Для тебя ли?» – подумала Инна, глядя на бледное, болезненное лицо Маши.

Всё лето со второго этажа дома Медведевых доносился грохот, стук молотка и звук пилы. Сказано – сделано. Спальня засияла новым обликом. Он там поменял не только стены, но и всё остальное. Стало современно, легко, красиво. Видно было – от души старался. Не пожалел ни сил, ни денег. И лестницу наконец-то сделал нормальную. Смотреть Инна не пошла категорически – тогда Машка на словах всё описала, не удержалась.

Лето кончалось, но деньки были тёплые, погожие. Инна гуляла сзади дач в сосновом бору. Сосны источали чудесный целебный запах хвои, под ногою хрустели старые пожухлые иголки, перемешанные с мелкими сосновыми шишками (на растопку хороши). Впереди бежал жизнерадостный сын, периодически падая и зарываясь в иголки. Солнце светило напоследок щедро и жарко.

Вдруг Инна с удивлением увидела идущую к ней Марию. Её это удивило – ведь той не больно позволялось выходить за территорию дачи. «Ну сейчас начнёт хвалиться своей новой спальней», – подумала Инна. И опередила её, сказав:

– Опять медовый месяц намечается?

Но Маша не улыбалась. Чуть запыхавшись от быстрого шага (видно, спешила, чтоб не заметили её отсутствия), она сказала, глядя внимательно Инне в лицо своими близорукими глазами:

– А у меня всё рухнуло. Я никому уже не нужна – ни мужу, ни сыну. А спальню он не для меня отделявал. У него любовница – вот для неё и старался. А мне, наверное, уже мало осталось жить. Видишь, какие у меня запавшие глаза. Это признак конца.

Инна растерялась от всего услышанного, от такого неожиданного выплеска горя и отчаяния. Она попыталась утешить её, но Маша не слышала, она была глубоко в себе. Вдруг она сказала:

– Инна, только тебе говорю: я проклинаяю его с его спальней, со всем их домом. На что я позарилась? Чему дура радовалась!

Маша ушла так же быстро и неожиданно, как и пришла. Видно, боялась любезных родственников. Инна стояла ошеломлённая. Это потрясение от всего услышанного долго ещё будет беречь её душу, пожалуй всю жизнь.

Через месяц Маши не стало. Печальная весть прошелестела по садовому товариществу, как ветер – жёлтой увядающей листвой.

А ещё через месяц, в конце октября, свёкор один поехал навестить дачу, разжёл пещку, включил отопительные приборы, а сам выпил маленько (он что-то стал грустить) и пошёл по посёлку новости собирать. Пока ходил, в доме случился пожар – то ли от трубы проржавевшей, то ли от замкнувшей электропроводки. Говорили, что дом загорелся сверху и очень быстро потом вспыхнул весь. Обезумевший от происшедшего свёкор успел вбежать в горящий дом и схватить пиджак с документами. Сам сильно обгорел.

Весной старший Медведев подошёл к забору и стал рассказывать подробности случившегося с ним осенью несчастья. Он сильно постарел и, судя по всему, стал хорошо прикладываться к бутылке. Инна вполуха слушала причитания старика, ей было жаль Марию с её несостоявшимся мещанским счастьем. Тот всё говорил, говорил, показывая обгоревшие в шрамах руки и трясая обожжённой головой с остатками седых волос. А она молча смотрела на пепелище и думала: «Я-то знаю, кто вам дом с новой спальней сжёт...».

* * *

А в память о Маше у Инны остался изумительный рецепт засолки огурцов. Маша написала его Инне в своё последнее лето. Этот рецепт перешёл к ней от бабушки. Инна приколотла к стене на дачной кухне тот самый листок, что принесла тогда Маша, когда узнала, что у Инны не получаются солёные огурцы. Так он и висит уже столько лет. Огурцы-то действительно получаются отменные.

Машин рецепт

Вымыть тщательно трёхлитровую банку. На дно банки кладём хорошо вымытые лист хрена, три листа чёрной смородины, три листа вишни, три стебля укропа с зонтиками. Головку чеснока разобрать на дольки, порезать все дольки – и в банку. Шкурку можно не снимать с чеснока. Туда же закладываем тщательно вымытые, без повреждений и гнили, свежие, крепкие огурцы. Засыпаем в банку три столовых ложки с горкой крупной соли. Банку взбалтываем, чтобы соль равномерно распределилась в воде, и ставим банку на три-четыре дня под стол на брожение, прикрыв сверху бумагой или неплотной крышкой. Через 3–4 дня снимаем сверху банки пену, надеваем крышку с дырками и сливаем рассол в эмалированную кастрюлю. Кипятим, заливаем этот кипяток в банку с огурцами и закручиваем жестяной крышкой. Если банка не полностью наполнилась рассолом – доливаем банку доверху простым кипятком. Остывшую банку убрать обязательно в холод.

Море любви Рассказ

Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть. Хорошо сказано, правда?

Главное, что в самую суть. Умный человек придумал. Или по крайней мере жизнь проживший. Перебрал в голове прожитые годы, как ящик старых писем, да и понял, куда все реки текут. А куда? В море. В море любви. Вся неприкаянная любовь там собрана. Целое море любви. Реки любви наполняются, переполняются, разливаются, а потом устремляются и исчезают в том самом море любви.

Они так и жили – мать и дочь. Только мать выбрала вторую половину поговорки, а дочь жила в полном соответствии с первой. И уже в самом конце своей довольно длинной жизни мать, жалея о многом не случившемся с нею, неожиданно и невольно раскрыла дочери свою большую, запрятанную на самое дно своей женской сущности тайну.

Она (мать) была неудачница. Говорят, что одни рождаются, чтобы радоваться, другие – чтобы мучиться. Похоже, что она родилась страдать от постоянного несоответствия желаемого и действительного. Хотя, если разобраться, сама же желала одно – и сама же городила другое. Вот и получалось несоответствие.

При рождении дали ей какое-то претенциозное, громоздкое имя Ираида – и гроыхала она с ним по жизни весь свой отпущенный срок, спотыкаясь и цепляя все углы и колдобины.

Началось с того, что она никак не желала родиться. Родительница её мучилась уже сутки, а она всё не выходила на свет божий. Видно, чувствовала, что наместе она там. Вот и не спешила – не в пример некоторым, которые вылетают, как снаряд из пушки. И чего? В конце концов решили её выдавить из уютного, тёплого материнского лона. Два здоровых санитаров скрутили в тугую жгут простыню, встали с боков роженицы, положили ей жгут под грудь – и под руководством врача стали давить на живот этим жгутом, постепенно выдавливая упрямого ребёнка. Выдавили. И отправилась Ираида в свой жизненный поход, осторожничая и подвергая всё сомнению согласно советам любезного ей философа Карла Маркса.

Себя она помнила с пяти лет, с того самого холодного ноябрьского дня. Ида стояла около своего дома и ждала подружку – соседку Соню. Она была радостная – мама ей купила такую обнову! Пушистую, связанную из кроличьего пуха шапочку, такой же шарфик и варежки. Ей не терпелось всё это богатство продемонстрировать своей подружке. Вдруг подошла какая-то женщина и ласково сказала:

– Деточка, хочешь большую красивую куклу?

– Хочу!

– Тогда пошли со мной, и я тебе подарю её. – Ида доверчиво протянула руку, незнакомка крепко взяла её, и они пошагали за куклой.

Шли, шли и пришли в городской общественный туалет.

– Фу, где куколка живёт, – удивилась Ида, брезгливо-удивлённо оглядываясь по сторонам.

– Куколке холодно, давай я возьму твою шапочку, шарфик и варежки, одену куколку как надо, чтоб она не мёрзла, и принесу её тебе.

Ида доверчиво всё отдала (кто ж устоит перед таким тонким психологическим подходом – куколка замерзает) и стала ждать тётю.

Ждала долго, сама уже замёрзла, а тётя с куколкой всё не было. Уже на улице темнеть стало, в сердце закрался необъяснимый ужас от такого долгого отсутствия тётя – что там с ними случилось; потекла робкая слеза, за ней – другая, и горе наконец прорвалось наружу.

– Ты что деточка плачешь? – Перед Идой стояла уже другая тётя. Спрашивала не ласково, требовательно.

Ида испугалась, но настойчивая строгая тётя всё из неё вытянула, поняла, сняла с себя тёплый шарф, повязала ей на голову и куда-то повела. «Опять куда-то идём», – думала печальная, замёрзшая Ида, но сил сопротивляться всем этим непонятным, с трагическим оттенком обстоятельствам у неё уже не было.

Шли, шли и пришли в отделение милиции. Через час Ида была уже дома. От усталости и переживаний она сразу же заснула. Её никто не ругал, все были несказанно счастливы, что дитё нашлось целое и невредимое. Ну а обновка – да бог с ней. Хотя, конечно, жаль. Красоты всё было необыкновенной, и Соньке не успела похвастаться.

Ираида сладко спала, подложив ладони под щёку, заботливо укрытая тёплым ватным одеялом. Ей снилась необыкновенной красоты кукла в цветном красивом платье с кружевами и оборками по подолу. Сверху на куклу была надета пуховая шапочка, варежки и шарфик. Кукле было тепло и уютно в Ираидиных обновках – и она улыбалась, показывая два белых круглых фарфоровых зуба, и моргала большими синими глазами в тёмных густых ресницах.

Жизнь потекла дальше. Ираида постепенно превращалась в хорошенькую, но заносчивую барышню. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, ей разрешили встретить Новый год в молодёжной компании. Хотелось быть всех нарядней, а туфель красивых не было. А у старшей замужней сестры лежали в шкафу шикарные кожаные туфельки кремового цвета с перламутровыми пряжками. Туфельки сестра берегла, одевала только по случаю. В этот Новый год сестра была беременна и никуда в гости не собиралась. Но просить у неё туфли было всё равно бессмысленно – не даст. Не из жадности, а в воспитательных целях – всему своё время. И вот Ида перед уходом в гости потихоньку, тайно вытащила туфли из шкафа, второпях завернула их в газету и побежала с приятелем Колькой Манной Кашей (такое у него было прозвище) в гости.

Когда пришли – народ уже собирался. Вся в праздничном волнении и предвкушении веселья, Ида торопливо раскрыла свёрток и обомлела – там была только одна туфля. Тупо, безнадежно оглядываясь вокруг, она ощутила подкатывающую к горлу дурноту. В ушах зазвенело. В ужасе прижав к груди эту одну туфлю, Ида замерла, стоя босиком на полу. Потеряла! Перед глазами понеслись картины – одна тошнотнее другой. Она представила, что будет дома, какая ей предстоит разборка со взрослой строгой сестрой. Как укоризненно и безнадежно на неё посмотрит мама, как начнёт возмущаться отец – гегемон, ударник социалистического труда и творец революции.

Вся радость предстоящего праздника потухла. Ида молча, как в сомнамбулическом состоянии, оделась и, никому ничего не объясняя, пошла на улицу. За ней потащился её верный поклонник Колька. Он уже понял, что вместо встречи Нового года намечалось совсем другое мероприятие – на свежем морозном ночном воздухе.

Они с Колькой раз за разом стали прочёсывать маршрут, по которому бежали в гости. Шёл снег, который быстро заметал дорогу. Вокруг не было ни души (народ праздновал). Качались тусклые от падающего снега фонари. Улица была окутана белым безмолвием. Со стороны могло показаться, что на дороге возятся два слишком рано захмелевших товарища, которые старательно помогают друг другу добраться наконец до дома и праздничного стола. Все их поиски ничем не кончились. Слезы на лице Иды перемешивались с таявшими на щеках снежинками. Вместе со снежинками таяла и надежда найти туфлю. Ужас перешёл в отчаяние. Ираида стояла занесённая снегом, белая и неподвижная, как гипсовая статуя, безнадежно и устало глядя в тусклое холодное пространство улицы.

«Ах, зачем же я взяла без разрешения. Вот меня Бог и наказал. Что теперь будет?».

Колька предложил завтра повесить по всему маршруту объявления о потере. Ираида молчала. У неё не было ни сил, ни желания обсуждать случившееся.

А тем временем Колькин план сработал. В тот же день, как он развесил объявления, Кольке принесли злосчастную туфлю – и он немедленно, под покровом тайны отнёс её Ираиде. Та, задохнувшись от счастья, незаметно положила туфлю в шкаф и с облегчением вздохнула. Война с сестрой отменялась. Ну ладно, Новый год пропал, зато не будет позора, унижений, криков, воспитательных бесед и лекций на тему мировой революции. Для самолюбивой и гордой Ираиды это было бы пыткой.

Сестру она всё-таки любила. Та была красивая, интересная – играла на гитаре, прекрасно пела. А сколько у неё было ухажёров до свадьбы – Ираиду это всегда приводило в будоражащий восторг. Сестра была намного старше, относилась к Ираиде свысока и даже, можно сказать, угнетала своими замечаниями и постоянной критикой. Ида порой обижалась на неё, но восхищение всегда пересиливало все обиды.

А вот муж её Ираиде не нравился. Он был красивый смуглый брюнет, образованный и талантливый инженер, высоко ценимый на своём оборонном заводе. В семье его родителей хранилась и передавалась из уст в уста история о том, что род их якобы пошёл от грузинского мальчика. Ещё в 19 веке один русский офицер (князь) подобрал на дорогах Кавказа больного оборванного мальчика, взял его с собой, его вылечили и он остался жить у князя в имении. Когда подрос, князь дал ему образование и хорошо устроил его в жизни. Сандро женился на русской – и пошла с тех пор смешиваться кровь южная – горячая с кровью славянской – неторопливой. Дети все получались умными и красивыми. Вот потомок этого рода и достался сестре в мужья.

Сестра очень любила своего мужа, а вот Ираида со временем стала его просто сторониться. Чем взрослее становилась Ида, тем чаще ловила на себе его пристальный, тяжёлый взгляд. Глаза у него были тёмно-карие, взгляд сладострастный, раздевающий, и ей всегда становилось в его присутствии как-то неловко, хотелось сразу убежать. Такая вот сексуальная была у них порода. Причём они все были такими в его родне. В сегодняшней жизни это, кажется, обозначается неведомым раньше словом «эротоман». Причём сёстры его не отставали от брата. Старшая вышла замуж за офицера – ездила с ним по точкам, куда его назначали. Один раз её мужа вызвал начальник их очередного военного городка и сказал: «Слушай, Василий Петрович, уезжай куда-нибудь, нет сил, твоя супруга мне уже весь гарнизон разложила, пока ты на учениях пропадаешь». Младшая сестра всю жизнь безостановочно выходила замуж. Когда ей было уже 78 лет и умер её очередной муж, она прямо на поминках захихикала: «Ну что, я опять свободна и в поиске. Но обязательно, чтоб был молодой, – надоело то хоронить, то в сумасшедший дом сдавать. Да и толку от молодого больше», – закатилась она двусмысленным смехом. Сидящие за столом дружно наклонили головы к тарелкам и стали усиленно жевать за помин души новопреставленного раба божьего, тайно вздыхая: «Нелегко, видать, старичку пришлось».

Замуж Ираиду стали звать рано. У неё была прекрасная женственная фигурка, она была жизнерадостная и нравственная. В ней был как раз тот самый набор качеств, который ценится мужчинами. Но она всем отказала. И Кольке Манной Каше с его родителями-миллионерами, и Лёнке Покрасу – весёлому одесситу, старше её на 10 лет, и моряку-подводнику Алексею. Впоследствии она часто задумывалась – где она ошиблась, за кого надо было выйти и прожить счастливо (или хотя бы удачно), чтобы не превратить всю дальнейшую жизнь в бесконечные сожаления о несбывшемся, о несделанном, о бездарно упущенном. А отказала потому, что влюбилась – насмерть, навсегда, на свою беду, на свою никем в итоге не востребованную верность. И понесла эту свою бесплодную, обокравшую её любовь по жизни.

Вечером на танцах в парке её закружил интересный молодой человек. Оказалось, что они оба великолепно танцуют, и протанцевали весь вечер, не меняя партнёров. Он отличался от их неуклюжих мальчишек. Был элегантно одет, уверен в себе, прекрасно двигался на танцполе. В общем, Ираида пропала. Шла с танцев она со своей компанией, выслушивала ревнивые упрёки

ровесников, а сама думала только об этом блондине с серыми глазами. Она узнала только его имя.

- Девушка, а вас как зовут?
- Ираида.
- Ну это как-то сложно. Можно просто Ида?
- Конечно!
- А я Александр. Саша. Будем знакомы.
- Будем, – ответила Ираида, замирая.

Было это в предсентябрьское воскресенье августа, скоро в школу – в последний, десятый класс 1940–1941 года выпуска.

Первого сентября все гурьбой ворвались в школу. За криками и вознёй не услышали звонка. Вошла учительница – и класс постепенно затих. Дверь снова открылась... и на Ираиду обрушилась судьба, её сердце подпрыгнуло к горлу, а душа свалилась в пятки. Руки вцепились в парту. Она замерла, распятая любовью... Перед классом стоял тот самый блондин. Учительница коротко представила: «Это ваш новый одноклассник Александр Гайтанов, прошу любить и жаловать».

Добрая половина девчонок класса немедленно в него влюбилась. А парни начиная с первого дня стали его регулярно мутузить, чтоб не зазнавался. Платоническая любовь Ираиды разрослась до невероятных размеров. Ослепшему, оглохшему, одуревшему от любви разуму романтической девицы и невдомёк было, что Сашенька уже перетрахал всех хорошеньких продавщиц главного городского универмага, заведующей которым была его маменька. Ираиде он тоже уделял внимание – ему льстило, что успешная девица-отличница так полоумно в него влюбилась.

Один раз он пригласил её к себе домой. Ида была поражена роскошью и достатком их семьи. Отца у него не было – он его даже не знал, а мать обожала сына и многое ему позволяла. Когда она с удивлением смотрела на картины, висящие на стенах, – подлинники Левитана, Саврасова, Серова – он неслышно подошёл сзади, нежно и крепко обнял её и стал шептать в ухо ласковые слова. На Ираиду от непонятого волнения накатила какая-то слабость. Он попытался расстегнуть ей блузку, но получил отпор и не стал настаивать. Кажется, он был уверен, что всё так и будет, и не стал напрасно распаляться. А Ираида, растерянная и неопытная, наслушавшаяся интимных рассказов своих подруг, потом долго мучилась сомнениями – а может, надо было уступить? Ведь тут любовь, никто другой не нужен. И может быть, и уступила бы в конце концов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.